

INSPIRIA

МЕГАН БРЭНДИ

НЕПРИЯТНОСТИ *в старшей* ШКОЛЕ

нецензурную
18+
содержит

INSPIRIA

Меган Брэнди
Неприятности в старшей школе
Серия «Pink Room. Элитные
парни Меган Брэнди»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65465831

Неприятности в старшей школе:

ISBN 978-5-04-155106-3

Аннотация

Когда в старшей школе появилась Рэйвен, жизнь братьев Брейшо изменилась навсегда. Эта необычная и своенравная девушка стала для каждого из них сестрой.

Но однажды она предала свою новую семью. И теперь парни из Грейвена хотят использовать Рэйвен, чтобы расправиться с братьями Брейшо.

Ничего не подозревающий Мэддок начинает догадываться о предательстве. Но вопреки всем слухам он готов вернуть Рэйвен любой ценой.

Встречайте продолжение нашумевшего романа «Парни из старшей школы»!

Бестселлер Amazon в разделе New Adult.

Яркая, откровенная и очень горячая история, которая заставляет трепетать от восторга.

«Если нужно описать "Парней из старшей школы" одним словом, то это будет: НЕВОЗМОЖНОВЫПУСТИТЬИЗРУК». – Биби Истон

«Вкусная. Сексуальная. Волнительная. Всепоглощающая книга. Приготовьтесь к самому сильному книжному похмелью в своей жизни». – Maple Book Lover Reviews

Содержание

Краткое содержание	9
Дорогой читатель...	10
Глава 1	11
Мэддок	11
Рэйвен	22
Глава 2	24
Рэйвен	24
Глава 3	32
Рэйвен	32
Глава 4	37
Мэддок	37
Глава 5	54
Рэйвен	54
Глава 6	66
Мэддок	66
Глава 7	81
Рэйвен	81
Глава 8	92
Мэддок	92
Рэйвен	100
Глава 9	104
Рэйвен	104
Глава 10	118

Мэддок
Конец ознакомительного фрагмента.

118

121

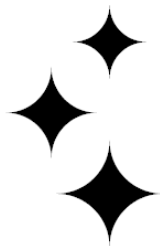
Меган Брэнди Неприятности в старшей школе

Посвящается

*Тем, кто достаточно смел, чтобы быть
слабыми ради любимых. Скоро вы окажетесь на
троне.*

© В. Иванова, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

INSPIRIA

Загляните в яркие миры Inspiria!

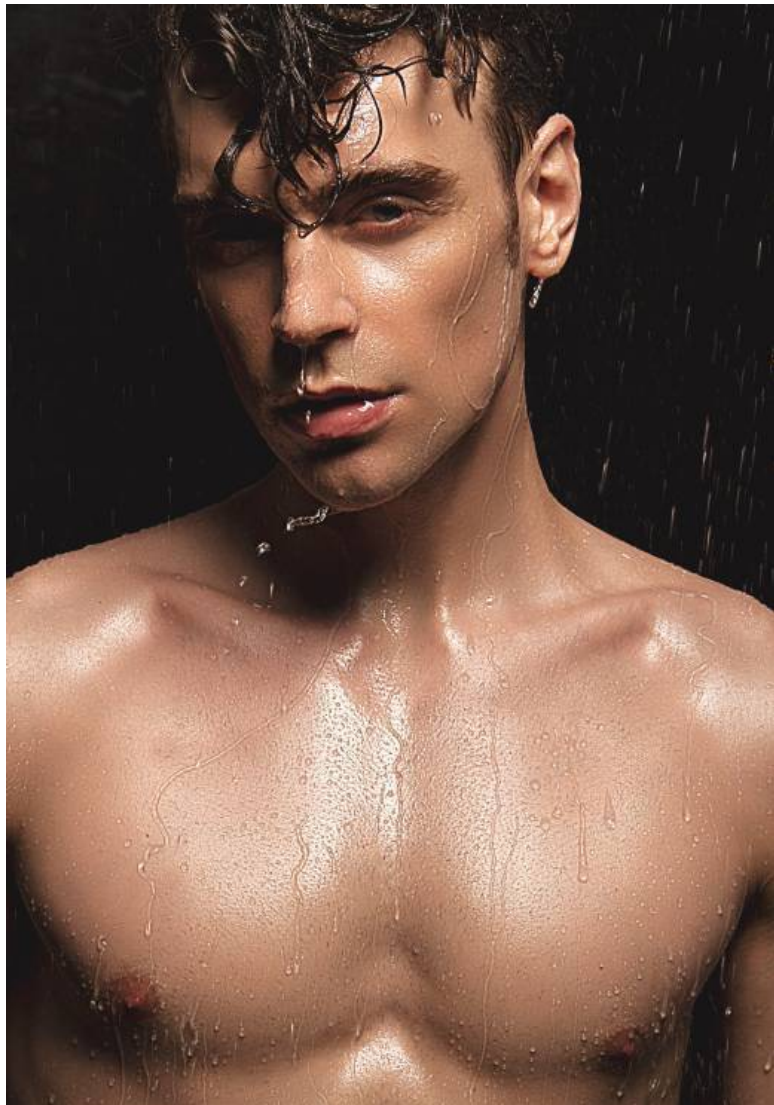
Мы выбираем для вас вдохновляющие истории и превра-

щаем их в особенные книги.

«Инспирия» дарит эмоции и новый опыт чтения самым требовательным читателям. Каждая книга содержит дополнительные материалы, в полном объеме раскрывающие ее мир. А личные отзывы создателей помогут вам найти свою книгу среди лучших. Эти сюжеты хочется пересказывать, а книги не выпускать из рук.

Для этой книги доступны следующие дополнительные материалы:

- плейлист: <https://music.yandex.ru/users/eksmolive/playlists/1103>
- обои: <https://drive.google.com/drive/folders/1PH7I68NovL6TrC-xegOATiEgi6SbSnNj>

Краткое содержание

«Тебе здесь не место».

Никогда еще слова, произнесенные гневным шепотом, не были настолько правдивы.

Они короли Брейшо, весь мир у их ног. Им суждено быть великими. Им необходим контроль.

А я девочка из гетто, которой нечего предложить, и такая же непокорная, как они.

Они говорят, что это неважно, теперь я одна из них и ничто не может этого изменить.

В том числе я сама, даже если попытаюсь.

Они недооценивают, насколько далеко я готова зайти, чтобы защитить их.

Впереди большие проблемы... а они и понятия не имеют.

Дорогой читатель...

«Неприятности в старшей школе» – вторая книга моей серии о Брейшо. Чтобы понимать, о чем речь и наслаждаться историей, вам нужно сначала прочитать первую часть – «Парни из старшей школы», потому что перед вами ее продолжение. Большое вам спасибо за то, что читаете эту книгу!

Глава 1

Мэддок

Я тяну волосы, чтобы утихомирить пульсирующую боль в висках. Мое тело и разум измотаны, а голова будто сейчас взорвется.

Но это ни хрена не помогает, так что я плюхаюсь на барный стул и смотрю на часы.

Уже три часа ночи, а Рэйвен все нет.

Кэптен слоняется по чертовому дому, а Ройс входит и выходит со скрещенными на груди руками.

Я качаю головой. Прошло всего несколько часов, а у нас троих уже поехала крыша. С этой девчонкой мы облажались по всем фронтам.

Она выскочила из дома через пару минут после того, как спустилась, и я уже был готов помчаться за ее задницей, но не стал. Я заставил себя остановиться и дать ей время, которое, как я был уверен, было ей просто необходимо, чтобы усмирить свою дерзость или утихомирить огонь, что она готова была извергнуть.

Прошло пятнадцать минут, а она все не возвращалась. И мне хватило этого, чтобы понять, что она сбежала: натянула на себя чертову Рэйвен и приняла единоличное решение.

А единоличное решение – это идиотское решение.

В этом вся Рэйвен Карвер – она, блин, делает то, что взбредет ей в голову, по щелчку пальцев совершает дичайшие поступки, которых ты вообще никак не ожидаешь, и надеется, что в итоге это как-то сработает, плевать на обстоятельства.

И меня это выбешивает.

Ей пора прекратить уносить свою задницу куда-либо без нас, особенно когда она знает, что там, в ночи, ее не ждет ничего, кроме проблем. И Басу, мать его, Бишопу следовало бы подумать об этом, прежде чем он попросил ее смыться от нас и встретиться с ним на складах прошлой ночью, где на нее в итоге, блин, напали.

Пусть он наш букмекер на всех боях на складах и чертовски хороший при этом, но это же моя, черт побери, девушка! Ему пора уже поумнеть.

Я мог бы поговорить со своими братьями о том, чтобы внести этого понтокрута в черный список. Кого угодно можно заменить в одно мгновение. Кроме Рэйвен. Ему, мать его, следовало об этом подумать.

Как только мы поняли, что она сбежала, мы вышвырнули его вон, собрали наших парней и отправились на поиски.

Проблема в том, что за свою жизнь Рэйвен отлично научилась ускользать от других. Мы знали, что найдем ее только в том случае, если она сама этого захочет. Мы надеялись на то, что ее задницу просто носит по округе, пока она про-

чищает мозги.

Часы шли, ее нигде не было видно, и мы вернулись домой, чтобы ждать ее здесь, пока наши парни объезжали домашние вечеринки в городе в поисках нее.

– Я все еще думаю, что Бас от нас что-то скрывает, – выплевывает Ройс, отклонив голову, чтобы видеть всю террасу. – Этот мудака просто притворяется, что ищет ее. Он стопудово знает, где она.

Кэптен качает головой.

– Даже если так, сейчас он в этом точно не признается, – он смотрит на меня. – Он понимает, что мы порвем ему задницу за то, что он не рассказал об этом прошлой ночью, когда ей досталось из-за него.

От этих его слов мои челюсти инстинктивно сжимаются, и я скриплю зубами.

Это точно. Именно так я бы и поступил, черт его подери.

Мой телефон вдруг начинает звонить на кухонном столе, и все поворачиваются к нему. Я дергаюсь, хватаю его, снимаю блокировку и с нескрываемым раздражением читаю сообщение от одного из моих парней, Мака. Швыряю телефон обратно.

– Мак поговорил с девчонкой Мэлло, с которой она ходила в «Башню». Она на чертовом Мауи – и не говорила с Рэйвен с тех пор, как мы отвезли ее вещи.

Кэп смотрит на свой телефон и хмурится.

– Лео пишет, он снова обыскал территорию школы и

парк. – Он сует телефон в карман. – Рэйвен нигде нет.

Черт. Черт.

Я вскакиваю на ноги, глядя на Кэптена, потом на Ройса.

– Я снова иду искать.

Ройс тут же хватается за ключи, а лицо Кэптена вдруг становится напряженным.

– Что? – с подозрением вглядывается в него Ройс.

– У нас завтра игра. Блин, уже сегодня. – Кэп облизывает губы, а потом снова поднимает на нас взгляд. – Нам нужно готовиться к ней.

Ройс хмурит брови.

– Кэп. Нет, – он трясет головой. – Мэддок, скажи ему.

Проклятье. Игра.

Я молчу, а Ройс косится на Кэптена:

– Мы, блин, никуда не поедem, пока она не вернется!

Кэп осторожно начинает:

– Ройс...

– Не *ройси* мне тут, чувак, – перебивает его тот. – Какого хрена ты ведешь себя так, будто абсолютно спокоен, хотя я знаю, что это не так?!

Кэптен переводит взгляд с него на меня.

– Мы ведь просмотрели записи с камер видеонаблюдения, мы знаем, что ее никто не забрал. Она сбежала. И вы знаете, что, если бы не игра, я бы уже сидел на чертовом водительском кресле, но нам нужно быть там и мы обязаны сыграть хорошо.

– А если она объявится и соберет свое шмотье или еще что-нибудь, пока нас нет?! – кричит Ройс с обезумевшим взглядом. – Я никуда, мать вашу, не поеду!

Дьявол.

Я тру виски. Кэп прав, нам нужно сыграть хорошо, но, блин, мы же говорим о Рэйвен.

Когда мы привезли ее сюда, мы не ожидали, что она так впишется в этот дом. Черт, да мы даже не представляли, что захотим оставить ее здесь или откажемся принимать ее решение уйти.

Нам говорили, надо убедиться в том, что она подчиняется, как все остальные, кого мой отец принимал в наши дома, но она без конца боролась с нами с самого первого чертового дня.

Она была другой, и я всегда знал это.

Она даже смотрела на нас не как все – не заискивающе, а прямо в глаза, задрав подбородок чуть ли не выше наших. Она хамила, когда мы требовали вести себя потише. Когда мы напирали на нее, она напирала в ответ, делая шаг навстречу, и надирала нам задницы, как никто прежде. Она проверяла нас на прочность даже чаще, чем мы ее, и при этом даже не старалась особо, а может, вовсе этого не осознавала.

От одной мысли об этом вены под кожей у меня на шее вздуваются, а внутри вспыхивает гнев.

И что самое хреновое, хоть Кэп сейчас на одном уровне

с нами, потеряет он гораздо больше нас, так что он в самом фиговом положении.

Я знаю своего брата, позднее он сам себя загрызет уже за то, что вообще предложил нам прекратить ночные поиски.

И все же при всей внутренней борьбе, отражавшейся у него на лице, Кэптен кивает, глядя куда-то между нами. Он готов ехать, хотя и предпочел бы, чтобы мы его послушали.

– Если мы будем играть дерьмово, то продум.

– Ага, – с усмешкой произносит Ройс, не позволяя себе испытать чувство вины, что позднее нахлынет на нас за проявленный сейчас эгоизм. – Мы продум, рискуя проиграть сезон, престиж школы Грейвен вырастет, этот кусок дерьма, директор Перкинс, устроит нам неприятности, папа будет капать нам на мозги из своей бетонной клетки размером пять на девять, и на твои плечи будет взвален еще больший груз из-за Зоуи, чувак, но... – он резко закрывает рот, услышав щелчок.

Наши головы дергаются в сторону входной двери, которая медленно открывается. В дом входит Рэйвен.

Она оценивает эмоции на наших лицах, неторопливо захлопывает и запирает дверь, словно оттягивая время в ожидании того, что ей уготовано – а это чертов расстрел.

Я быстро переглядываюсь с нахмурившимися, как и я сам, братьями, а потом снова смотрю на нее.

Я сжимаю челюсти, заставляя себя дождаться, пока она повернется и взглянет на меня, но Ройс вскакивает раньше.

– Какого хрена, Рэйвен?! – он кидается вперед.

Кэптен хватает его за плечо в попытке успокоить, но тот сбрасывает его руку, ожидая, когда она посмотрит ему в глаза. Но она не поднимает взгляд, и он издает мрачный смешок, пинает кофейный столик, подбрасывая все стоявшее на нем в воздух, и в бешенстве уносится вверх по лестнице.

– Рэйвен, – я пытаюсь привлечь ее внимание, чтобы она встретилась со мной взглядом, но она только глубоко вздыхает и смотрит налево.

– Мне нужно было проветрить мозги, – хрипло произносит она. – И если вы вдруг забыли, я не обязана просить разрешения.

– Ты это сейчас серьезно? – рычу я, шагая к ней. – После всего того дерьма, что случилось за эти несколько дней, ты все еще собираешься играть в эту долбаную игру?

– Я не играю ни в какие игры.

– Тогда говори, мать твою! – кричу я, подходя еще ближе. – Ты не можешь просто сбегать вот так каждый раз, когда...

– Могу! И буду! – вопит она в ответ, пытаясь нацепить на себя привычную защитную маску, но ее голос внезапно надламывается, а взгляд быстро опускается в пол в совершенно не свойственной Рэйвен манере.

Каждый мускул моего тела напрягается, а к горлу вдруг подступает тошнота.

Что еще за на хрен...

Я бросаю взгляд на брата в надежде узнать, что он думает на этот счет, но в его глазах та же растерянность, что чувствую и я.

– Рэйвен... – снова начинаю я, на этот раз немного спокойнее, и ее грозовой взгляд наконец встречается с моим.

Мои легкие сжимаются, стоит мне присмотреться.

Ее макияж размазан, глаза красные и опухшие, во взгляде молчаливый крик, и как будто что-то – я не могу понять, что – вот-вот вырвется наружу.

Я прикусываю зубами щеку, чтобы смолчать, силясь собрать в себе последние капли дьявольского самообладания, хотя это последнее, чего мне хочется.

Я, блин, уже готов был осыпать ее потоком бесконечных ругательств, а теперь, глядя на нее, стоящую передо мной, избитую, всю в синяках, выжатую эмоционально из-за всего того, что крутилось в ее голове, и физически после нападения на подпольном ринге, я просто, мать ее, не мог этого сделать. Мои плечи опускаются.

– Мне нужно... принять душ и поспать, – сказав это, она, тем не менее, не пытается сразу уйти.

Она вообще не двигается, пока я не делаю шаг к ней. Она срывается с места и торопливо взбегает по лестнице.

Мы с Кэпом смотрим ей вслед, пока ее ноги не исчезают над последней ступенькой.

Он поворачивается ко мне и тихо произносит:

– Я знал, что она ушла раньше, но не уверен, что это свя-

зано с боем.

– Кэп, – на мои плечи будто наваливается такой чертов груз, что кажется, я вот-вот упаду, – скажи мне, это ведь не из-за того, что нас не было там и мы не могли ей помочь? Скажи, что, когда она смотрит на меня, она не видит во мне мужчину, который не способен ее защитить.

Кэптен кладет руку мне на плечо и заглядывает мне в глаза.

– Она ушла сама, чувак, она *намеренно* смылась от нас. Вопрос, который нам следует задать: она хотела побыть одна, – он поднимает брови, – или ей нужно было позаботиться о чем-то, во что она не хочет нас втягивать? И я не знаю ответа, старик. А то, что случилось с ней прошлой ночью... В этом дерьме твоей вины не было.

– А что, если была? – возражаю я. – Что, если ей досталось из-за того, кем мы ее сделали?

Кэп выпускает тихий смешок, но в нем слышится опустошенность.

– Мы никем ее не делали, брат. Рэйвен родилась такой, какая она есть. Да, мы привели ее в свой мир, но она пришла сюда сильной и решительной. Поэтому она сразу влилась. Мы только можем попытаться понять ее извращенный ход мыслей. И надеяться, что постепенно до нее все-таки дойдет, что она больше не одна.

Я смотрю на него, сузив глаза.

– Почему у тебя такой голос, будто ты уверен, что она се-

годня что-то натворила?

Он вздыхает, убирая руку.

– Я не знаю наверняка, но у меня такое чувство, будто что-то не дает ей покоя. В последний раз она была такой, когда мы пытались заставить ее раскрыть свои карты – в тот день, когда объявилась ее мать и она постаралась сделать так, чтобы ее выпнули из Брей-хауса, – хотела показать, что только ей позволено контролировать ее действия.

– Но теперь же все по-другому, – чуть ли не рычу я.

Ей не плевать на нас. Я знаю это.

Я, черт возьми, это чувствую.

Его глаза широко раскрываются, а брови приподнимаются.

– Именно. Тогда речь шла только о ней, и то она не считалась со своими интересами – ведь ее отправили бы обратно в тот ад, в котором она жила, – просто назло. А теперь она одна из нас – хотя она не говорит так, она это знает. И вспомни, что она делала для нас, когда ей было совершенно пофигу, кто мы такие... Она столкнула девчонку в бассейн на вечеринке Грейвенов, чуть не задушила ту сучку, что сняла на видео тренера с его девушкой, а что она вытворяла на складах, когда пыталась помочь нам улизнуть незамеченными, а в домиках...

Я морщу лоб, и он кивает.

– А теперь представь, на что она готова ради нас, если мы ей небезразличны.

Дьявол. Он прав.

Я провожу ладонями по лицу и обхожу его.

— Я не готов думать об этой фигне прямо сейчас, Кэп. Мы выясним все это завтра, то есть, блин, сегодня после игры.

— Ага, — зевает он. — Отличная идея.

Он следует за мной и исчезает в своей комнате.

Я останавливаюсь у ванной и слышу, что вода все еще течет, так что я направляюсь к своей, чтобы принять душ побыстрому.

Я не знаю, верно ли то, о чем говорил Кэп, и, черт возьми, намерен выяснить это, но прямо сейчас я собираюсь лечь с ней в постель, заняться с ней сексом, если ей это нужно, прижать к себе, если она позволит, а обо всем том дерьме, что случилось сегодня, мы подумаем завтра.

Рэйвен

Я забираюсь под одеяло и натягиваю пушистый плед до самого подбородка, вцепившись в него, как в броню, когда из коридора до меня доносится шлепанье.

Ручка поворачивается, но не полностью – замок заперт. Я задерживаю дыхание.

За этим следует бесконечная звенящая тишина, и я прикусываю зубами щеку, чтобы сдержать жалкие слезы, что вот-вот хлынут рекой.

Ручка поворачивается еще раз, но уже медленнее и тише – еще одна попытка... так, на всякий случай.

Сердитый удаляющийся топот и приглушенный хлопок закрывающейся двери.

В эту же секунду я глубоко выдыхаю, вытаскиваю из-под одеяла нож и раскрываю его. Провожу пальцем по лезвию, читая выгравированную на нем надпись.

«Семья – это не только общая кровь».

Звучит забавно, если задуматься.

Семья – это не только общая кровь, при этом за тех, кого мы выбрали сами, мы готовы истечь кровью.

Я прокалываю кончик пальца, чтобы на нем появилась темно-красная капля, и провожу им по губам. Слегка тру губой о губу, пропуская язык через зубы, и во рту появляется металлический привкус – привкус ненависти к себе.

Прости, здоровяк. За все, что было сегодня... и за то, что еще впереди.

Глава 2

Рэйвен

Понаблюдав за разминкой перед матчем, я поняла, что сегодня нас ждет грязная игра, но такого я точно не ожидала. Это было просто ужасно.

Потому что уже по меньшей мере в двадцатый раз за игру мяч летит к Мэддоку, ему пасуют в надежде, что он добавит команде очков.

Меняя позицию, он обходит парня из команды-противника, но спотыкается и теряет равновесие. И снова мяч, только оказавшийся у него в руках, уходит к сопернику.

Из груди Мэддока вырывается рык, он наклоняется, но тут же вскакивает и снова бежит по площадке.

Я прикусываю нижнюю губу, чувствуя досаду, потому что команда гостей снова забрасывает мяч в кольцо, и Брейшо отстают уже на семь очков.

Всю игру они пытаются догнать противника и никак не могут вырваться вперед. Я еще никогда не видела их такими неуклюжими, и, к сожалению, это передалось всем игрокам команды.

Кэптен не забросил ни единого мяча, хотя у него было несколько попыток – на его лице отчетливо проступает отча-

ание. К этому моменту он уже неимоверно злится на самого себя. А Ройс играет очень грубо, что приводит к одному фолу за другим.

Стоит мне подумать об этом, как раздается очередной свисток.

Все головы поворачиваются к противоположному концу площадки, где Ройс в следующее мгновение орет прямо в лицо рефери:

– О, значит, этому ослу ты не свистишь, а мне будешь свистеть весь вечер? Теперь мне все ясно, чел. – Он слегка отводит плечи назад и насмешливо трясет головой. – Классно, теперь я знаю, кто выписывает тебе чеки, мудака.

– Брейшо! – кричит тренер, но Ройс не обращает на него никакого внимания.

Я бросаю быстрый взгляд на Мэддока и Кэптена, но они просто стоят, позволяя ему делать то, что он делает.

– Чувак, кончай. Еще чуть-чуть – и победа наша, – нагло – или просто по глупости – выкрикивает парень из другой команды, и Ройс разворачивается. Даже со своего места я вижу его разъяренный взгляд.

Через несколько секунд он пихает его в грудь так сильно, что тот падает на других членов своей команды, а я выпрямляюсь на сиденье в ожидании чертовой драки, но это дом Брей, город Брейшо – никто не осмеливается выйти вперед. Никто, кроме Ройса.

– Подойдешь ко мне еще раз, сукин сын, и будешь жрать

металл.

Рефери вскидывает руки с предупреждающим взглядом и официально удаляет Ройса с площадки.

Тот обеими руками показывает ему средние пальцы и шагает к скамейке. Он хватает свою толстовку и бутылку воды, кидает бутылку в тренера другой команды и громко хлопает дверью, направляясь в свою раздевалку.

Бас ловит мой взгляд и прищуривается, но я его игнорирую.

Он может сколько угодно обвинять меня в этом отстойном шоу, однако он виноват ничуть не меньше меня, и он это знает. Он должен был пойти со своей новостью о том видео к ним, а не ко мне.

В смысле я это ценю, но пусть катится к черту со своим дерьмовым осуждением, он сам может загладить свою вину в любой момент. Хотя, полагаю, у него не хватит на это стали яиц, ведь он утаил информацию от троицы, которая доверила ему свои сделки и денежный поток.

Может, им не стоило этого делать.

Я глазами нахожу Мэддока на площадке, и в тот же момент он поднимает свой взгляд на меня, но сразу отводит его, занимая нужную позицию, потому что мяч снова в игре.

Они играют так из-за меня, я это понимаю. Я заставила их нервничать, из-за меня они не спят уже вторые сутки – сомневаюсь, что кто-то из них спал прошлой ночью. Я знаю, потому что я и сама не спала.

Может быть, их игра сегодня и плоха, но, по крайней мере, они все-таки играют. В смысле, если бы видео с нашими шалостями и проникновением в домик Грейвенов посмотрели все, их могли исключить из команды или даже отправить в колонию для несовершеннолетних.

Не было смысла подвергать их такому риску, если я могла это предотвратить.

У меня достаточно реалистичный взгляд на мир, чтобы понимать свое место в нем, и пусть это случится не сегодня и не завтра, но в конце концов девочке из гетто не суждено остаться в особняке. Я знаю это и принимаю.

Тем не менее я признаю, что не ожидала, что отдаление будет таким болезненным.

Мэддок за весь день не сказал мне ни слова, как и Ройс с Кэптеном, и они все еще и понятия не имеют, что происходит.

Я не хочу даже думать, что будет дальше, но ущерб уже нанесен. И я бы сделала это снова, если бы мне пришлось.

Я отгоняю эти мысли и снова концентрируюсь на игре.

Придурок Лео закидывает мяч в кольцо, и все аплодируют. Новый прилив энергии оживляет всех присутствующих, и теперь все глаза следят за «Волками Брейшо», как они бегут за другой командой по площадке.

Один из наших парней подпрыгивает, блокируя попытку соперников закинуть мяч, и он возвращается в наши руки. Игрок Брейшо направляется к корзине, делает обманный

трюк с целью якобы перебросить мяч на другой конец площадки, а сам пасует его назад, Мэддоку, который кидает его в кольцо, забивая трехочковый.

Зрители восторженно вскакивают на своих местах.

Все то и дело толкаются локтями – грубее, чем это разрешено, но после выходки Ройса рефери как будто больше не желают свистеть на фолы.

С Мэддоком в роли нового ведущего игрока «Волки» начинают отыгрывать очки.

На табло остается семнадцать секунд – для баскетбола это целая вечность.

Ну давай же, здоровяк.

Я задираю подбородок, чтобы видеть площадку поверх голов других членов команды, которые поднялись на ноги передо мной, и дергаю голову в сторону, когда рядом со мной вдруг появляется директор Перкинс.

– Здравствуй, Рэйвен.

На меня накатывает волна тревоги, но я заставляю себя снова перевести взгляд на площадку, уверенная на сто процентов, что, несмотря на напряженную игру, Мэддок и Кэптен оба заметили, как этот кусок дерьма подвалил ко мне.

– Что вам надо, Перкинс?

– Сегодня утром на своем столе я обнаружил *весьма* интересное уведомление о переводе, мисс Карвер.

Я замираю. И, видимо, мои глаза широко распахиваются, потому что Мэддок хмурится сильнее, но он бросается впе-

ред, снова с мячом в руке, и я пододвигаюсь, чтобы лучше видеть.

В ту же секунду Перкинс кладет руку мне на плечо, и я резко выкручиваюсь из-под нее.

– Блин, не трогайте меня, – выплевываю я сквозь сжатые зубы, на что он лишь усмехается.

Толпа издает стон, и я снова бросаю взгляд на площадку – Мэддок в отчаянии проводит ладонями по лицу, а мяч уже у команды-соперника. Звучит финальный свисток.

– Спасибо за всю вашу помощь, мисс Карвер.

– Не льстите себе, – выдавливаю я все так же сквозь сжатые зубы. – Ради вас я бы никогда, блин, и пальцем не пошевелила.

Он делает шаг вниз и поворачивается, чтобы посмотреть мне прямо в глаза.

– Доброй вам ночи. Жду не дождусь следующей игры. – Он ухмыляется и уходит прочь.

Как бы мне хотелось навалить этому мудаку по полной.

Я смотрю на табло со счетом игры.

На нем лучший счет сборной команды Брейшо. Последний шанс, который был у парней на беспроегрышный сезон в старшей школе.

Все сделают вывод, что это было просто невозможно, будут говорить, что у них должна была быть хоть одна неудачная игра за весь сезон.

Никто вокруг не знает, что произошло в эти выходные.

Сегодня в школе я то и дело ловила на себе любопытные взгляды. Некоторые ученики пялились на порез у меня на губе и синяк на щеке, который ближе к вечеру стал проступать ярче. Я пользуюсь дешевой тоналкой, которая не смогла скрыть его на весь день. А если добавить к моему виду пустые взгляды нас четверых за ланчем, безумие сегодняшней игры и притворно дружелюбные улыбки Перкинса, можно гарантировать, что кольцо слухов теперь разгорелось адским пламенем. Не говоря уж о том, что эта троица, известная своим умением отключаться от всего мира, будучи в форме на игровой площадке, сегодня гораздо больше внимания уделяла мне, чем игре. Да уж, людям будет о чем поговорить.

Да пошли они все.

Команды уходят с площадки, и толпа болельщиков редет. Я остаюсь сидеть на своем месте.

Как я и ожидала, Бас пытается поговорить со мной, но я качаю головой и отвожу взгляд. Он, черт возьми, отлично знает, что мне совершенно не интересны его запоздалые переживания – для них слишком поздно.

Парни задерживаются в раздевалке – наверняка тренер устроил им разнос. Когда они наконец выходят, кроме них у двойных дверей больше никого нет.

Все три пары глаз фокусируются на мне, чтобы убедиться, что я там, где они меня оставили.

Они замедляют шаг, чтобы я смогла их догнать, и мы вместе идем к «Денали» Кэптена.

Когда мы усаживаемся в машину, они делают несколько глубоких вдохов, и лишь после этого двигатель запускается.

Меня начинает подташнивать от волнения, растущего внутри меня.

Они могут заговорить в любой момент, требуя ответов. И неважно, сколько раз я прокрутила этот разговор в своей голове, готовясь к возможным вопросам и репетируя подготовленные ответы, — ни в одном из них я не уверена.

Я даже не уверена, что смогу врать им в лицо, когда до этого дойдет дело.

К счастью, кажется, игра высосала из них последние силы — как и из меня.

Кэптен едет сразу домой, от ужина все отказываются и сразу расходятся по комнатам. Все запираются у себя, и я делаю то же самое.

Я падаю на матрас и жадно втягиваю воздух, наполняя им легкие.

Перкинс сказал, что сегодня нашел на своем столе уведомление о переводе. Все получилось намного быстрее, чем я предполагала.

Мое время с ними почти вышло.

Глава 3

Рэйвен

Просидев на диване час в ожидании, когда хотя бы один из парней спустится, я понимаю, что ни один из них не планирует пойти сегодня в школу. За последние несколько дней все трое практически выгорели, не имея возможности хоть немного остыть. А я, ясен хрен, тоже особо никуда не рвусь, так что отправляюсь на кухню в поисках каких-нибудь продуктов, которые могла бы приготовить сама.

Изучив все овощи и всякую заграничную дрянь со странными названиями, которую я никогда даже не видела, не говоря уж о том, чтобы попробовать, я откапываю старую упаковку замороженных вафель. Кажется, что они покрыты белесыми разводами, но мне все равно. Я ведь не из тех, кто никогда не ел старую или просроченную еду, про которую люди с уверенностью заявляют, будто она еще нормальная.

У меня дома ничего не залеживалось, но все, что передавали из церкви, было по меньшей мере на неделю старше даты «употребить до». Единственное, что нам удавалось получить непросроченным, — это молоко.

В дни пожертвований за ними всегда ходила именно я. Так как я была одиноким ребенком в очереди, где в основ-

ном стояли взрослые, сердобольные люди очень мне сочувствовали и давали больше, чем остальным, включая то, что, по их мнению, могло хоть немного меня порадовать. Так и было. Дополнительная коробка полуслежавшейся крупы или банка варенья и дешевого арахисового масла и вправду безмерно радовали меня, а иногда и мой рот, когда одна ложка чего-либо из перечисленного помогала мне пережить целый день дома, пока я снова не шла в школу, где у меня было трехразовое питание в столовой.

И все же я прекратила ходить в центры пожертвований, когда увидела там одну из других мам из моего трейлерного парка. Она была там со своим младшим ребенком, и они ничего не получили, потому что продуктов на всех не хватило.

Однажды я слышала, как моя мама попыталась склонить ее к проституции, вот только она не умела так крутиться, как моя мама, чтобы покупать себе наркотики. Нет, вместо этого она продавала свои талоны на еду. А без еды от церкви ее детям просто нечего было есть. Сама она никогда не испытывала голода, потому что крепко сидела на игле. Так что я сомневаюсь, что она вообще замечала, когда ее дети бродили у соседних домов в надежде, что их пригласят зайти и поесть, а им так везло далеко не всегда.

Им было всего пять и семь лет. Мне было девять.

В тот день я оставила свою коробку у них на крыльце.

Мне кажется, именно в этот момент я осознала, что другим людям может жить еще хуже, чем мне.

Если бы я могла вернуться туда и забрать всех тех детишек, я бы это сделала.

Люди думают, что придет служба опеки и спасет малышей, но это случается только тогда, когда кто-то озаботится тем, чтобы им позвонить. К сожалению, большинство из нас этого не делает. Окружающие сами могут быть замешаны в чем-то дерьмовом, и они не хотят, чтобы кто-то узнал об их делишках, так что рты остаются закрытыми, когда, наверное, не должны бы.

Я помню лишь один случай, когда видела, как ребенка забирают из его дома – и то только потому, что его папаша переборщил с наркотой, а его подружка не хотела, чтобы пацан оставался с ней. Мне было хреново, когда он уехал. Иногда по ночам он сидел вместе со мной на улице, и мы ждали, пока громкоголосые клиенты моей матери наконец свалят.

С тарелкой слегка подмокших вафель в руке я на цыпочках иду к себе в комнату. Там я опускаюсь на кровать и ем, а потом достаю из выдвижного ящика заначку и скручиваю косяк. Он крошечный, потому что у меня осталась лишь пыль со дна пакета, но мне этого хватит.

Я беру старую бутылку из-под воды с прикроватного столика, чтобы стряхивать в нее пепел, и плюхаюсь на стул рядом с окном. Отодвигаю щеколду, открываю окно... и пронизывающая сирена оглушает меня, заставляя сжаться в комок.

Я захлопываю окно, но сирена продолжает орать.

Я рычу и вскакиваю, когда дверь в мою комнату распахивается и в дверном проеме появляется Мэддок.

Он нажимает на кнопку на телефоне, и оглушительная сирена – похоже, они установили или включили ее сегодня – умолкает.

Он стоит там минуту, с идеально взъерошенными волосами, пухлыми губами и сонными глазами. Без футболки, в одних боксерах, с выдающимся утренним стояком, и мое тело вдруг начинает пылать во всех правильных местах.

А потом все внутри у меня сжимается – потому что в глазах Мэддока не разгорается ответное пламя. Вместо этого он медленно опускает свой взгляд на ручку моей двери, прежде чем снова с очевидным намеком поднять его на меня.

В его глазах гнев и подозрение, но он моргает, пряча их, и на его лице снова привычная маска. Он уходит, не произнеся ни слова.

Я дергаюсь вперед, готовая броситься за ним, но удерживаюсь на месте, напоминая себе, что эта перемена в доме – моя вина и что реагировать на нее так не в моем стиле.

Ведь я не хрупкая девочка, взволнованная поступками угрюмого парня.

Я уже дважды оставляла его за запертой дверью, так что же теперь?

Вздохнув, я кидаю свой жалкий косяк на ковер и падаю спиной на матрас, где и лежу весь оставшийся день.

Да, мне не обмануть даже саму себя.

Все будет очень хреново.

Глава 4

Мэддок

Я сую телефон обратно в карман, как раз когда входит Кэп.

– Это был Лео, – говорю я.

– И? – ждет продолжения Кэптен.

– Он сказал, тренер влетел в кабинет Перкинса и хлопнул за собой дверь.

– Что за на хрен?

– Понятия, блин, не имею.

– У нас теперь ни одного чертова дня не проходит, чтобы не случилась какая-нибудь хрень. – Кэп трясет головой, раздраженный всем этим дерьмом.

Как раз в этот момент по ступенькам спускается Рэйвен, и все взгляды поднимаются к ней.

Она замирает на месте с мечущимся между нами троими взглядом, а потом снова медленно шагает дальше. Хотя ее лицо не выражает никаких эмоций, я знаю эти глаза цвета грозового неба – они светятся страхом.

– Выезжаем через пять минут, – произнося это, я ни на кого не смотрю и оказываюсь в машине так быстро, что они не успевают даже захватить никаких вещей.

В ожидании я разглядываю предательские сады.

Еще две ночи назад мне так нравилась уединенность, что давали деревья вокруг нас, они закрывали нас от всего остального мира, но их темная тень помогла ей ускользнуть, не дав нам ни единой подсказки, в каком направлении она ушла.

Куда же ты ходила, детка, и почему отталкиваешь от себя?

У меня вырывается стон, и я провожу руками по лицу.

Она превращает меня в слабохарактерного мудака. Так, может, дистанция, которую она держит между нами, и мне необходима, чтобы хоть немного, блин, отстраниться?

Может, мне стоит привязать ее задницу к кровати с раздвинутыми ногами и вытянутыми руками и сделать ей чуточку больно, чтобы наконец разговорить?

Я рычу и бью кулаком по рулю, пряча глаза под очками, потому что трое выходят из дома.

Они занимают свои места, и, зная, что у Перкинса что-то происходит, мы проезжаем мимо кафе с пончиками и всего через несколько минут оказываемся на школьной парковке.

– Какой у нас план? – сердито спрашивает Ройс.

– Нет никакого плана, – отвечаю я. – Просто зайдем туда и выясним, что за хрень тут происходит.

Ройс кивает и шагает к школе, Рэйвен идет за ним.

Кэп слегка отстает от них, и я иду вместе с ним. Мы встречаемся взглядами, когда он поворачивает ко мне голову.

– У меня дурное предчувствие.

Я хмурюсь, глядя на здание школы, потому что у меня в голове та же фигня.

– Пошли.

Лео встречает нас у двери, Ройс с пристрастием допрашивает его. Рэйвен стоит рядом.

– Тренер уже вышел, но они в спортзале, готовятся к собранию, – говорит он нам.

– Дьявол, – я качаю головой. – Я совсем забыл про это дерьмо.

Лео кивает.

– Я думаю, вам лучше дождаться, пока оно закончится.

– А я думаю, тебе лучше оставить свои мыслишки при себе, – огрызается Ройс, выражая то, что думаем мы трое.

Лео напрягается, но тут же будто стряхивает это с себя, освобождая нам путь и пожимая плечами.

Мы с Кэпом переглядываемся.

– Пошли, вытащим оттуда этого мудака. – Ройс распаивает дверь, и мы входим.

Как только мы оказываемся в зале, раздается звонок, и люди вокруг спешат занять места, а мы идет напрямик к тренеру.

Он тут же обрывает разговор с Перкинсом и спешит нам навстречу с искаженным от гнева лицом.

– Сядьте. И сидите.

– Поговорите с нами, прямо сейчас, – требую я.

Он свирепо смотрит на меня, но подчиняется:

– Звонил ваш отец. Я все объясню, но мне нужно, чтобы вы, парни, прекратили пререкаться со мной, как бы сильно вам этого ни хотелось. – Он обводит взглядом нас троих, на мгновение задерживая взгляд на Рэйвен, а потом уходит прочь, оборачиваясь только для того, чтобы повторить: – Сядьте.

Ройс сжимает челюсти, но лишь испускает стон и шагает к нашим местам – в центре первого ряда.

Кэптен следует за ним.

Тренер Брэйл – один из тех немногих людей, кому мы здесь доверяем, в то время как на других мы просто вынуждены полагаться. Но сейчас даже я признаю, что чертовски тяжело сохранять хладнокровие, когда между всеми нами царит такое адское напряжение. Сказать, что мы на грани, будет даже слишком мягко.

К Рэйвен поворачивается секретарша, чтобы отослать ее назад, но я останавливаю ее прежде, чем она успевает что-то сказать.

– Она с нами.

Женщина захлопывает рот и, поджав губы, кивает.

Стоит мне только опустить задницу на стул, как я ловлю на себе взгляд тренера – он смотрит, сузив глаза. Он поднимает подбородок.

– Что, черт побери, он пытается сказать, Мэдмэн? – шипит Ройс мне в ухо.

Я медленно качаю головой.

— Понятия, мать его, не имею, но он хочет, чтобы мы спокойно сидели в своем ряду.

— Да пошел он на хрен, — усмехается Ройс, и я не могу отрицать, что я с ним на одной волне. — Это наш чертов ряд, и ему повезло, что мы позволили его заднице находиться тут.

Толпа утихает, когда Перкинс подносит ко рту микрофон.

— Всем доброго утра, — обращается он к залу. — У меня отличные новости. Несмотря на наше... неожиданное и досадное поражение на этой неделе, сегодня мы выходим в плей-офф под первым номером против сборной Грейвена.

Ученики просто слетают с катушек, вопя от восторга, а Перкинс явно раздражен тем фактом, что мы все-таки смогли вырваться в лидеры благодаря очкам, заработанным за сезон.

К черту его.

Дальше Перкинс говорит какую-то фигню о движухе, которая ждет нас в ближайшие несколько недель, напоминая всем, что на первом месте должна быть учеба. Он несет всякую хрень о том, во что сам не верит: он ведь обязан читать нравоучения, чтобы сохранить лицо. А потом включается музыка, и ему приходится отодвинуться, потому что центральную площадку занимает команда по чирлидингу.

Хлоя, как всегда, блин, в центре и впереди всех, изо всех сил, мать ее, старается не глазеть на нас, трясая попой и качая грудью в сексуальной манере, пока они делают разные трюки.

Они выполняют какую-то безумную акробатическую фигуру, и толпа сходит с ума, свистя и хлопая.

– Вот это, я понимаю, гибкость, – задумчиво протягивает Мак, и Ройс усмехается.

И он не лжет. Команда по чирлидингу, или танцевальная команда, как их еще называют, выигрывала все соревнования в штате последние три года – с того момента, как с ними начала выступать Хлоя. И она, блин, не будет собой, если даст кому-то об этом забыть.

Заканчивая свое выступление, они кидают свои помпоны к ногам команды – ни один из них не падает рядом со мной, – а потом под пошлое волчье завывание подползают, чтобы забрать их.

Кэптен, качая головой, отпинывает пару помпонов, оказавшихся у его ног.

Он смотрит куда-то мимо меня, а потом встречается со мной взглядом. Он указывает на что-то подбородком, и я перевожу взгляд на Рэйвен.

Мои брови сходятся в центре лба, потому что она сидит, погруженная в себя, с направленным в пустоту взглядом.

– Что... – я хочу окликнуть ее, но тут же умолкаю, потому что Перкинс снова берет микрофон в руки.

Его глаза устремлены на меня, и я злобно смотрю в ответ.

– Ну хорошо! Спасибо, девочки, за чудный танец, – начинает Перкинс с каким-то дьявольским воодушевлением.

Мы с братьями подаемся вперед, одинаково нахмуренные.

– Итак. У меня есть для вас объявление. И довольно необычное, – продолжает он, и мой пульс учащается. – Нам пришлось тщательно пересмотреть кодекс правил школы, но теперь я счастлив сообщить, что все сложилось просто отлично.

– Мэддок... – начинает Кэптен и тут же осекается.

Перкинс пробурирует меня взглядом с триумфом в глазах.

– Пожалуйста, – он делает паузу, и уголок его рта приподнимается. – Поприветствуйте *от всей души* вместе со мной нового игрока... сборной команды старшей школы Брейшо по баскетболу.

В зале повисает оглушительная тишина, но звон в моих ушах заставляет меня подняться.

Мои братья поднимаются вместе со мной.

В дальнем углу зала с грохотом распахивается дверь, и в дверном проеме показывается Коллинз Грейвен – в майке, мать его, «Волков».

Меня начинает трясти от ярости, которая наполняет каждый дюйм моего тела, но ноги не двигаются с места. Они словно, блин, прирастают к полу.

Как, видимо, и у Ройса с Кэптенем, потому что они тоже замирают на своих стульях.

Да как у него хватило наглости заявиться сюда?

По залу разносится шепот, который становится громче и громче, и уже вскоре вся чертова толпа учеников охает и гу-

дит.

Коллинз, широко расправив плечи, шагает вперед, вглядываясь в каждое лицо слева и справа от себя.

Его взгляд останавливается на Рэйвен, мать ее, сидящую рядом со мной.

Она медленно встает на ноги под моим тяжелым взглядом. Но она не смотрит на меня – ее пустой взгляд устремлен на него.

Я тоже перевожу взгляд на него. Уголок его губ приподнимается, пока он рассматривает ее, и я делаю шаг вперед, но совершенно неожиданно рядом с нами появляется тренер, отталкивает меня и незаметно заслоняет мое тело своим. Плечом отделяя меня от Рэйвен, он поворачивает голову к моему уху.

– Даже не думай, блин, – рычит он сквозь зубы. – Именно этого он и хочет. Двинешься, и он снова начнет с тобой свою игру.

Я понятия не имею, что тут можно ответить. Я только ощущаю, как кровь пульсирует в моих венах в опасно ускорившемся темпе.

Рэйвен делает шаг влево, отступая от меня, и я напираю грудью на тренера.

– Рэйвен, – я свирепо смотрю на нее.

Она облизывает губы и делает полшага вперед.

Она проводит руками по своим джинсам, и мне становится трудно дышать.

– Рэйвен...

Моя голова дергается вперед, когда ее имя вылетает изо рта Грейвена.

Я вижу, что она решается на то, что крутится у нее в голове, – что бы это, блин, ни было.

Она поднимает подбородок и расправляет плечи.

Одним рывком она стягивает через голову свой свитер. Под ним оказывается черная майка с бирюзовой нашивкой – майка «Волков», майка чертовой Брейшо-Хай, – с огромным номером один. Точно такая же майка, как на Грейвене.

У меня перед глазами все становится красным, кроваво, мать его, красным, и эту его кровь скоро все будут видеть повсюду. Я выкрашу ею весь чертов пол.

Он тянется к ней, и она шагает ему навстречу.

Он труп.

Мои братья первыми бросаются вперед, но тут вмешиваются другие члены нашей команды. Мак и Лео хоть и с трудом, но удерживают Кэптена, а вот удержать Ройса никто не в силах.

И это моя, черт побери, девушка, рядом с этим мудаком.

Ну все, мать его. На хрен всех.

Я с размаху толкаю тренера на пол, почти перепрыгиваю через него, но меня тут же тащат назад игроки нашей команды.

Всего за секунду мне удастся одного за другим отпихнуть их от себя и броситься вперед, но, едва подняв глаза, я, черт

побери, просто застываю на месте.

Ройс, в напряжении перед дракой, трясется от гнева, готовый спустить его на разряженного ублюдка в хаки.

Вот только прямо перед ним стоит темноволосая, ростом всего пять футов и шесть дюймов, наша чертова проблема.

Против него.

Против нас.

Ярость вспыхивает во мне. Не раздумывая ни секунды, я дергаю ее за запястье, и она оказывается прямо передо мной. Любая нормальная девушка завопила бы, в ужасе глядя на парня, который тащит ее куда-то. Но не Рэйвен.

Она полностью контролирует свой взгляд, намеренно оттягивая момент, когда наконец посмотрит мне в глаза.

Непреклонно. Непоколбимо.

Я подтягиваю ее еще ближе к себе.

Позади меня кто-то ахает, и до меня доходит, как все выглядит со стороны.

Лицо и руки Рэйвен покрыты синяками и ссадинами, и сейчас я грубо схватил ее, но мне абсолютно похрен, что они там думают.

– Ничего личного, здоровяк, – ее слова льются расплавленным металлом – она словно дразнит врага, мать ее. Ее глаза светятся решимостью, но на что она надеется, непонятно даже мне. – Просто бизнес.

– Отпусти ее, Мэддок, – доносится до меня голос тренера.

Рэйвен сжимает губы, и как только я ослабляю хватку, она

дергает руку, отдаляясь от меня.

Я отпускаю ее, но тут же бросаюсь вперед и двумя руками хватаю за горловину майку, что она надела. Я дергаю за ткань, разрывая ее сверху донизу, стягивая эту чертову хрень с ее кожи. Рэйвен теряет равновесие и с грохотом падает на пол, оставшись в одном спортивном лифчике.

– Мэддок! – кричит Ройс, наклоняясь к ней. – Какого черта, чувак?!

Мои плечи опускаются. Я не могу оторвать взгляд от ее обнаженной кожи – готов поклясться, в это мгновение само чертово время вдруг останавливается.

Ботинки Ройса издают резкий скрип, когда он притормаживает рядом со мной.

– Охренеть, – выдыхает он.

– Рэйвен... – протягивает Кэптен, замерев на месте, но я чувствую, как тяжелеет его взгляд, направленный на меня.

Огромные синяки, один в виде отчетливого отпечатка ботинка, покрывающего половину ее живота, и еще несколько других поменьше, поднимающихся вверх до груди и уходящих вниз под пояс брюк.

– Что, черт побери, с ней произошло? – шепчет кто-то позади меня.

Детка...

Мое тело машинально дергается к ней, но Кэптен и Ройс в ту же секунду хватают меня под руки и отбрасывают от нее. Они тащат меня назад и выталкивают из зала, когда мы

оказываемся у двери.

Уже в следующую минуту мы оказываемся в пикапе, уносящем нас прочь.

– Что, мать его, только что случилось? – кричит Ройс. В его голосе слышны паника и гнев.

– Я не знаю. – У Кэптена внутри все бурлит, он разгоняет машину.

– Ее тело. – Я смотрю на них. – Ее чертово *тело*! Оно выглядит в десять, мать его, раз хреневее, чем в ту ночь, когда все произошло. Вы видели, что с ней сделали?! – Я бью кулаком по передней панели.

– Да, чувак, – рычит Ройс. – Мы видели.

– Все, мать твою, видели, *Мэддок*, – рывкает Кэп, и мое тело напрягается. – И теперь они наверняка думают, что это ты ее избил, придурок! Никто же не знает, что на нее напали!

– Плевать я хотел на них и на то, что они думают! На ней был его номер, черт подери! – Я поворачиваюсь к Кэпу. – Она *моя*, Кэптен! И мы просто, блин, только что оставили ее там... с этим мелким ублюдком!

– Твоя? – Ройс наклоняется вперед. Каждое его слово источает яд. – Мэддок, она знала, что он придет. Это же, блин, явно было спланировано. Она обставила нас на нашей собственной чертовой площадке!

– Здесь наверняка есть что-то еще, – сухо добавляет Кэптен, хотя и сам не верит собственным словам.

– И что же, блин, мы упустили, Кэп?

– Говорю вам, она просто играла с нами! – кричит в ответ Ройс. – А мы доверились ей, чувак!

– Прекрати, – обрывает его Кэптен. – Рано сбрасывать ее со счетов, Ройс. Нам нужно выяснить, что, мать вашу, здесь происходит.

Я оглядываюсь на Ройса, и когда наши взгляды встречаются, он отводит глаза к окну.

– Нам нельзя было доверяться никому, чувак, – выплевывает он, играя желваками.

У него всегда были проблемы с доверием, но лучше бы сейчас он ошибался, черт его подери.

У Кэптена звонит телефон, и я хватаю его, хмурясь.

– Скрытый номер.

Кэп забирает у меня телефон и отвечает, включив громкую связь.

– Папа, – произносит он.

– Ты со своими братьями? – спрашивает отец.

– Мы здесь, – отвечает Ройс, пододвигаясь вперед.

– Где вы? – спрашивает он.

– Что, мать его, происходит? – встречаю я.

Пошел он на хрен со своими вопросами.

Он, очевидно, знает, что мы не на уроке – он никогда не звонит нам, когда мы в школе, если только чего не случилось и он об этом не пронюхал.

– Как он оказался в Брейшо? Почему он в Брейшо?

Его ответ нас ошеломляет:

– Я дал согласие на его запрос о переводе.

– Не поговорив сначала с нами? – рявкаю я. – Мы были, мать твою, захвачены врасплох! Как можно удерживать контроль и порядок, если нас даже не предупреждают? Чего ты ожидал? Ты выставил нас идиотами!

– Мэддок, – шипит Кэп.

– Нет! – кричу я, переводя взгляд с братьев на темный экран. – К черту все это. И *ты* иди к черту, пап! Какого хрена ты согласился принять его в школу?

– На хрена это *ему самому*? – добавляет Ройс.

Наш отец снова начинает говорить:

– Выбор был либо *он* в Брейшо... либо *она* в Грейвен.

Мы ошарашенно переглядываемся.

– Да, – отвечает он на наше молчание. – Я знаю про девушку, как вы уже догадались, полагаю.

– Она не просто какая-то девушка, – нахмуривается Кэп. – Она... – он осекается, пытаюсь найти правильные слова, чтобы описать то, кем она для нас стала. Кем она, как мы *думали*, для нас стала.

– Она важна для вас? – его голос звучит даже спокойнее обычного, что явно не к добру.

Я хмурюсь.

– Она стала особенно близкой для кого-то из вас? – настороженно спрашивает он.

– Для всех нас, – быстро говорю я, прежде чем ответит кто-то другой.

– Ну, или нам так показалось. – Ройс зыркает на меня, беззвучно спрашивая одними губами: «Какого хрена?»

Несколько секунд папа молчит.

– Послушайте меня, – осторожно начинает он, и мы машинально придвигаемся ближе к мобильному. – Будьте умными, думайте, прежде чем действовать, но не мешкайте в том, что касается дела. Вы трое – Брейшо, и если людям нужно напомнить, покажите им, что это значит. Не позволяйте им забывать, кто тут главный, даже если вокруг крутятся Грейвены. Они копают под нас и, может, уже даже обнаружили то, что не должны были. Держите его у себя перед носом, чтобы наблюдать за ним.

– Ты ждешь, что мы позволим этому мудаку бегать по нашим коридорам? – спрашивает Ройс. – Бегать, мать его, по *нашей* площадке?

– Да, – без промедления отвечает отец, потом делает паузу и добавляет: – И еще кое-что: Коллинз Грейвен изменил правила игры, в этом нет никаких сомнений. Я боюсь, что его цель теперь не вы.

– О чем ты? – спрашивает Ройс, глядя мне в глаза.

На лицо Кэптена ложится тень, и он медленно переводит взгляд с меня на Ройса.

– Рэйвен.

Почему он решил охотиться на нее вместо того, чтобы добраться до нас?

– Парни, – делает ударение отец. – *Не дайте* им ее увести.

– Ею не так-то просто управлять, – огрызается Кэптен.

– И она только что обставила нас, а может, вообще все время с нами играла. Мы не можем доверять ей, – выплевывает Ройс. – Сейчас она для нас груз.

Мы слышим тяжелый вздох, а потом:

– Делайте то, что должны, мальчики. Держитесь друг за друга. Все уже в процессе.

Звонок обрывается.

– И что, мать его, *все это* значит? – Ройс откидывается на спинку сиденья.

– Не знаю. – Кэптен заводит внедорожник, и несколько секунд спустя мы едем дальше. – Полагаю, нам придется это выяснить.

Я отворачиваюсь к окну.

Если она думает, что ей удастся нас поймать, ей лучше подготовиться кое к чему другому. Им обоим.

Она хочет трахнуть мой мозг? Это сработало.

Она хочет что-то доказать? Она это сделала.

Она думает, мы отступим? Она, мать его, ошибается.

Мои челюсти сжимаются, и яд прожигает мне вены от одной только мысли, что сейчас она с ним.

«Не дайте им ее увести», – сказал он.

Я никому не дам ее увести.

Рэйвен Карвер моя, хочет она этого теперь или нет. Точка.

Ей нравится притворяться, будто она больше не смотрит на меня так, как раньше, но я заставлю ее раскрыть свои чер-

товы карты. Проблема в том, что меня сложно назвать терпеливым.

Давай, играй в свои игры, детка. У меня больше ходов, чем ты сможешь выдержать.

Глава 5

Рэйвен

– Ну не хмурься, Рэй.

– Иди в задницу, Коллинз.

– Ты снова меня умоляешь? Так скоро? – Он сует телефон в карман. – Всего два дня прошло, как ты нагадила *на их собственной территории*, сладкая.

– Ты гребаный придурок.

– Да, но я твой придурок, так ведь? – Он смеется и плюхается на кресло напротив меня. – Ты молодчина, кстати, если я еще не говорил. Если честно, я не был уверен, что ты доведешь это дело до конца.

– Я же сказала, что все сделаю.

– Люди много чего говорят, тебе ли не знать. – Он ухмыляется, и я еле сдерживаюсь, чтобы не влечь ему пощечину. – Ты заметила, как быстро они на тебя забили? Могу поспорить, ты этого не ожидала. Тебе наверняка казалось, что они заберут тебя обратно *прямо сразу же*. Но ты все еще сидишь тут, и на тебе то же шмотье, что было два дня назад, и... никто из Брейшо тебя не спасает. Ни один из троих.

Я стискиваю зубы – максимально незаметно.

Я не знаю, что мне казалось, но этот чмошник не увидит

ни моего сожаления, ни душевной боли, которую причинили его слова. Не то чтобы он оказался прав. Он ослеплен необходимостью выиграть войну. Но у него нет ни единого шанса. Мне даже любопытно, действительно ли он хочет победить или же жаждет славы, любой.

А может, просто принятия?

Хотелось бы мне знать, какое у него было детство.

Я оглядываю комнату.

Этот огромный претенциозный дом, пустой и холодный, больше похож на выставочный зал. Здесь нет жизни – ни в цвете, ни во всем остальном, за исключением ободка подноса на кофейном столике. Все пространство заполнено каменными статуями и уродливыми предметами искусства.

Прислуга наверняка приходит каждый день и уходит вечером, прибираясь после вечеринок, которые он закатывает почти ежедневно – ему необходимо, чтобы рядом были люди, – и оставляя ему еду для разогрева в холодильнике.

Мэддок как-то говорил, что, кроме Коллинза, остались еще его мама и бабушка – последние из Грейвенов, если не считать их людей в городе, но их нигде не видно.

– Твой отец и вправду умер?

Он застывает со стеклянным бокалом в руке, уже поднесенным к губам. Да, он из тех парней, которые страдают всей этой пафосной херней типа виски со льдом, – типичный богатенький сыночек, пытающийся быть похожим на своего папочку. Потягивающий алкоголь, как мудака.

Он не может пить шоты залпом, как мои.

Очередной приступ боли сковывает мою грудь при этой мысли, и я тут же меняю положение тела, чтобы скрыть его.

Коллинз ставит бокал рядом с собой и наклоняется вперед, упираясь локтями в колени, чтобы заглянуть мне в глаза.

Его нельзя назвать уродом, как я уже говорила. Даже самые разборчивые девушки наверняка сочли бы его привлекательным, я в этом уверена, ведь у него внешность типичного ученика частной школы – слишком идеальные волосы и белоснежные зубы. Черты лица правильные, кожа чистая и гладкая, без единого намека на вчерашнюю щетину. На нем нет ни мелких порезов, ни шрамов – могу поспорить, он уже даже пользуется кремом от морщин. Конечно же, он накачанный, как любой игрок в баскетбол, подтянутый и достаточно высокий – его фигура выточена безупречно, в самый раз, чтобы тешить этим свое эго.

– Полагаю, ты уже знаешь историю, как Ролланд и его сыновья стали Брейшо, что их семьи были приняты в клан за много лет до их рождения?

Я знаю, что ни один из парней не Брейшо по крови и что Ролланда, биологического отца Мэддока, приняли в семью, когда тот был еще совсем молод. Потом лучших друзей Ролланда убили, и он усыновил их детей, чтобы растить как своих и дать каждому заслуженное им имя Брейшо.

Три мальчика – три брата, не связанные кровью, но вы-

бравшие друг друга.

Я, мать его, знаю, кто они.

– Да, ты наверняка знаешь, – продолжает он, потому что я молчу. – Но что, как тебе кажется, ты знаешь о *моей* семье? – Он пристально вглядывается в меня. – О моем имени?

У меня тут же вырывается смешок, и я закатываю глаза.

– Пожалуйста, прелестный мальчик. Скажи, что ты не настолько тупой, чтобы думать, что я на это отвечу? – Я наклоняюсь вперед, чтобы встретиться с ним взглядом. – Может, я и сижу сейчас на твоём диване, но не будь идиотом, думая, что я там, где *хочу* быть.

– Советую тебе поработать над тем, чтобы это поменять – ты там, где *должна* быть.

– Обойдусь как-нибудь.

Он издает тихий смешок, опуская подбородок.

– А ты знала, что именно юрист Грейвенот отправил Ролланда Брейшо за решетку?

Я не отвечаю ему ни единым словом или движением, и он кивает:

– Да, ты знала. Но знала ли ты, что этим юристом был мой отец?

Мне стоит невероятных усилий сохранить невозмутимое выражение на лице, в то время как каждый мой мускул напрягается.

– Не-а.

Вот же дерьмо. То есть это не какой-то Грейвен засадил

их отца, а отец Коллинза?

– Дело даже не дошло до суда. – Он ухмыляется, увидев, что я хмурюсь – от моего безразличия на лице не осталось и следа. – Папаша Брейшо отрицал все-все-все, до самой последней секунды. Но *прямо перед* заседанием суда он вдруг запел другую песню, признал вину и пошел на сделку.

– Может, у него проснулась совесть.

– Или, может, у него появилась реальная причина признаться в преступлении, которое, как он клялся, он не совершал. – Он приподнимает бровь.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не сглотнуть, и вместо этого делаю вид, что он меня заинтриговал.

– И что же это могло быть?

Он самодовольно ухмыляется, словно посвящен во что-то, что мне недоступно, поднимает бокал и опрокидывает в себя его содержимое. Потом встает.

– Ну, теперь если кто здесь и тупой, так это ты, если ты и вправду думаешь, что я тебе все расскажу. Хотя кто знает, Рэй, может, со временем... Все зависит только от тебя. Вставай, нам пора ехать.

– И куда же это? – раздраженно спрашиваю я.

– По магазинам. – Он окидывает взглядом мою одежду. – Я не могу позволить своей женщине выглядеть так, словно она вышла из низкобюджетного музыкального клипа.

– А почему бы и нет? Мне же приходится ходить рядом с парнем, который одет так, словно в любой момент готов

сыграть в гольф.

Он улыбается, а я хмурюсь.

– Отребью не место рядом с породой, Рэй.

– И все же ты был готов платить мне за мое время, Коллинз. Так странно, правда?

– Вставай и иди к чертовой машине, это не обсуждается.

– Я не стану наряжаться, как принцессочка из частной школы.

– Ты будешь одеваться так, как я скажу, – огрызается он, вперивая в меня взгляд. – Не забывай, ты согласилась на все это, так что вставай.

Я неторопливо поднимаюсь на ноги и оказываюсь прямо перед ним.

– Ты думаешь, что выиграл эту маленькую битву, но ты ошибаешься.

– Ага, и с чего это ты взяла?

Мои губы медленно расплываются в ухмылке, и его брови сходятся на переносице.

– Уважение нельзя купить или заработать, если идешь дорогой шантажа. Все твои люди с тобой только из-за денег или по принуждению, а все их люди гордятся своим положением. Ты не задавался вопросом, что случится, если те парни, которых ты заставил напасть на меня, захотят этим похвалиться и *сделают это*, потому что ты не заслужил их преданность? Или когда кто-то предложит им больше денег, они кинут тебя, как мудака, которым ты и являешься? Ты...

– Осторожнее, Рэй. – Он шагает ко мне, играя желваками. – Я могу как облегчить твою участь, так и сделать ее невыносимо тяжелой, тебе решать.

В ответ на один шаг я делаю два.

– Это ты будь осторожней, Коллинз. Я не знаю, что, как ты думал, ты сможешь получить от меня или что привело тебя к такому мнению, но ты даже еще больший клоун, чем я думала, если тебе вдруг показалось, что мне нужно что-то «облегчать». – Я отступаю, наблюдая, как в его глазах разгорается ярость. – Может, мяч сейчас и на твоей площадке, но тебе следует считать *меня* рефери в этой игре. Ты заполучил не солдата, а змею. Смотри, как бы она тебя не укусила, Грейвен.

Он хмурится, но через мгновение его лицо расплывается в злобной улыбке.

Он подходит ко мне, чтобы шепнуть мне на ухо:

– О, теперь все точно будет чудесно, *Брейшо*. Жду не дожусь, когда вся прелестная маленькая ложь вылезет наружу. И твоя прелестная маленькая головка так закружится, детка. Но если ты будешь хорошей девочкой, я непременно подержу твои волосы, чтобы ты не забрызгала их своей рвотой.

Он бросается вперед, мимо меня, хватая с журнального столика ключи и вылетает из дома. Мне не остается ничего другого, кроме как последовать за этим дешевым понтокрутом, как *хорошей девочке*.

Ублюдок.

– Я надеюсь, что ты там накручиваешь себе чертовски красивые кудряшки, раз собираешься так долго! – рывкает Коллинз из-за двери.

Я закатываю глаза и делаю последнюю затяжку, прежде чем потушить свой косяк о плед, оставляя еще одну прожженную дырку на банальном шелковом покрывале.

Не могу поверить, что и вправду живу в этом чертовом доме.

Я злюсь на себя за то, что до сих пор не свалила отсюда, но я не могу поступить так с парнями. Они заслужили мою преданность до последней капли, а я никогда никому не была предана, даже если они этого не знают.

В этом вся разница между настоящей верностью и необходимостью оставаться в лучшей форме, потому что сильнейшим живется комфортнее – искреннюю преданность не нужно открыто демонстрировать или во всеуслышание заявлять о ней. Она не менее могущественна, а может, и более, когда проявляется в тишине.

Мне не нужно говорить им о том, почему я на самом деле здесь. Мне нужно, чтобы шантаж этого придурка никак их не затронул, чтобы они о нем даже не узнали.

– Две минуты. И ни минутой больше, – произносит он таким тоном, будто его слова имеют для меня значение.

До меня доносится какой-то шум, а потом топот шагов по уродливой спиральной лестнице.

Я смотрю на часы, жду, когда пройдет ровно три минуты, и только потом встаю, всовываю ноги в пару шлепанцев, которые я спрятала среди того отвратительного дерьма, которое Коллинз накупил вчера, чтобы помочь мне «поднять мой статус».

Иди на хрен, пожалуйста.

Он такой тупица, что просто не верится.

Я поворачиваюсь к зеркалу в золоченой раме и оглядываю себя с головы до ног.

Глупая девчонка, которая не в силах отпустить тех троих, кого сама от себя отталкивает.

Ирония в смене событий.

Я поднимаю с пола рюкзак и волочу его за собой, расправляя плечи, когда дохожу до последней ступеньки.

Коллинз оборачивается и впадает в ступор при виде меня.
– Какого хрена?

Он оглядывает темно-фиолетовое платье-свитер из кашемира, которое сам и выбрал. Теперь оно разрезано по бокам, и кончики свободно завязаны, демонстрируя мой черный бюстгальтер-майку. Его взгляд опускается к купленным им же «чулкам», на которых теперь зияют дырки в стратегически важных местах – слева сбоку и справа в верхней части бедра, уходящая под ткань платья.

В области стоп у них теперь тоже недостает нескольких

дюймов.

Я не завила волосы, как он надеялся, а собрала их в тугой конский хвост на затылке – только потому, что они без конца прилипали к этому дурацкому материалу.

Он посмел попросить меня срезать синие кончики, и я добродушно послала его в задницу.

– Это платье стоило четыреста долларов. – Он в бешенстве буравит меня взглядом.

– Я же говорила тебе – не покупай. К тому же для тебя это копейки, правда же?

Он подлетает ко мне.

– Мне нужно, чтобы ты, мать твою, соответствовала образу. *Ты сама* согласилась на это.

– Эти люди терпеть не могут «Армани», и их тошнит от чертова «Прада». Они за десять миль почуют развод.

Я качаю головой и прохожу мимо него, но он хватает меня за локоть, и я разворачиваюсь, отдергивая руку.

– Может, мне лучше позволить тебе, понторезу, строить из себя идиота? – вскипаю я.

Черты его лица напрягаются, выражая вопрос, и я качаю головой.

– Ты так туп, что искренне думаешь, будто, изменив меня под себя, сможешь их убедить? Что они похвалят тебя или обзавидуются? Ничего этого не будет. Может, я и согласилась на все это, чтобы ты держал свой крысиный язык за зубами, но ты тот еще идиот, если думаешь, что этим все ре-

шил. Эти парни? Они *знают* меня.

– Да уж, они-то определенно знают, – он пытается задеть меня, намекая на видео.

Я поднимаю голову и пожимаю плечами:

– Да, ты прав. Все трое, мать их, опустили на колени... *передо мной*. Спасибо, что подтвердил мою точку зрения. Они знают меня. Они знают, как я думаю, что мне нужно и когда именно. Ах да, а еще как мне, блин, нравится, чтобы меня трогали – сейчас это не имеет совершенно никакого значения, но тем не менее это так, придурок. И я это не скрываю. Мне это не нужно, Коллинз, потому что те люди, до которых мне есть дело, не осуждали меня за то, в чем я нуждалась, как и за то, что я, да, наслаждалась тем, что они мне дали. Мне нужно только, чтобы люди не узнали, что мы были в твоём домике, пока ты веселился в футах от него, что вряд ли говорит о твоём большом уме.

– Иди на хрен.

– Сам иди, – бросаю я в ответ. – Как уже говорила, они знают меня. Всего несколько дней назад я была с ними, а теперь я с тобой. И если я появлюсь в этом чертовом платье и балетках, с кудряшками на голове и улыбкой на лице, выглядя как очередная точная копия всех твоих стандартных сучек, ты отведаешь цемента быстрее, чем успеешь произнести слова «я сдаюсь».

– Я никогда не сдаюсь.

– А я никогда не подстраиваюсь и не подчиняюсь, – пре-

зрительно произношу я. – Если хочешь, чтобы тебе поверили, дай мне остаться собой, потому что я ни для кого на этом хреновом свете не собираюсь становиться какой-то другой. И даже если теперь я для них шлюха, не заслуживающая ни капли доверия, они не какие-то безмозглые бараны. И тебе придется это признать, потому что они это доказали. А если не признаешь – выставишь себя лохом.

Не дожидаясь ответа, я поворачиваюсь, иду к машине этого мудака и сажусь в нее.

Через несколько секунд он тоже занимает свое место.

– Ну, по крайней мере, ты попыталась замазать круги под глазами.

Говнюк.

Глава 6

Мэддок

Я отпрыгиваю и встряхиваюсь, а потом делаю шаг вперед для очередной комбинации ударов.

Цепь лязгает, ударяясь о брус, груша для битья отскакивает обратно к моим рукам без перчаток, порезы на костяшках пальцев становятся все глубже, и кровь тонкими струйками стекает по предплечьям, капая на резиновый мат у меня под ногами.

Я продолжаю – раз, два, удар снизу. Левой, правой, удар по почкам.

Его щека, его челюсть, его чертов висок. Сдохни, ублюдок.

На правой руке рана раскрывается до кости, и я сжимаю челюсти, обхватывая руками подвесную грушу, чтобы отдышаться.

Я не могу поверить во все это дерьмо.

Я не видел ее три чертовых дня, а такое ощущение, что прошло три чертовых года. Почему и как вообще мы согласились просто сидеть и ждать, я понятия не имею.

Это просто, мать его, пытка какая-то.

– Ты закончил, мальчик?

Я опускаю подбородок к груди, руки безвольно падают

вниз. Я поднимаю взгляд на дверь, зная, что у нее за спиной стоят мои братья.

Что, реально, козлы?

– Нет-нет, дитя, – предостерегает Мейбл, подходя ко мне с набором для оказания первой помощи. – Не смотри на них так. Они правильно сделали, что позвали меня. По виду тебе так же плохо, как тогда, когда ты узнал, что зеленый Могучий Рейнджер¹ покинул шоу.

На моем лице появляется улыбка, несмотря на дерьмовое настроение и смешки братьев у нее за спиной.

Она едва улыбается, а потом машет рукой через плечо, подавая сигнал Ройсу и Кэптену, чтобы они вошли.

– Я смотрю, тут проделано немало работы, – она многозначительным взглядом окидывает тату на левой стороне моей груди, уходящую к лопатке. Она готова лишь наполовину – десять чертовых часов в кресле. Мне нужно было чем-то занять время.

– Ага. Вчера только снял повязку.

Она подмигивает, и мы все садимся.

Мейбл встает передо мной на колени и принимается обрабатывать мою руку перекисью.

– Итак, – она смотрит на меня, приподнимая бровь. – Она ушла.

– Вы слышали, что он пустил Коллинза Грейвена в Брей-

¹ «Могучие Рейнджеры» (англ. Power Rangers) – американский супергеройский телесериал.

шо? – спрашиваю я, хотя уже знаю ответ.

– Слышала.

– И то, что она ушла с ним в первый же день?

Ее руки на мгновение замирают, и я бросаю быстрый взгляд на братьев. Они тоже заметили.

Она не знала.

Наш отец всегда говорил ей все, иногда даже раньше, чем нам, так почему же он утаил от нее это?

– Ваш отец – умный человек, – отвечает она на вопрос, который я даже не задал. – Если он фильтрует информацию, которой делится, на то есть причина. Поверьте мне.

– Мы верим, – отвечает ей Кэптен, но отворачивается к окну, нахмурившись. – Проблема в том, что мы этого не ожидали и нам кажется, что здесь что-то не так. Она не... просто что-то не так. – Он облизывает губы, встает и шагает в другую часть комнаты.

Ройс наклоняется вперед, уперевшись локтями в колени.

– Что, мой мальчик? – обращается к нему Мейбл, чтобы тот поделился своими мыслями, но он молчит, уставившись на свои сложенные руки.

Он качает головой.

Мейбл вздыхает и смазывает костяшки моих пальцев медицинским клеем, после чего встает, похлопав меня по бедру. Она пристально смотрит на меня.

– Твой старик говорил тебе, чтобы ты делал то, что считаешь нужным?

Я киваю.

На ее лице появляется мрачная улыбка.

– Ну, тогда, кажется, тебе остается только одно.

Кэп оборачивается, чтобы взглянуть на нее, а Ройс поднимает голову. Она поочередно всматривается в нас троих, останавливая взгляд на мне.

– Заставь ее пожалеть об этом.

– А что, если она не пожалеет?

Мейбл издает тихий смешок и поворачивается к двери.

– Да ладно тебе, мальчик. Тебя не нужно приободрять, тебе не составит труда нанести ей удар туда, где болит. Никто не знает эту девчонку так, как ты, даже она сама, наверное. Вы, мальчики, и есть то оружие, которое сработает против нее.

Мейбл выбрасывает испачканную марлю и берет полотенце с раковины в углу. Она шагает к пятнам крови на мате, но замирает, прежде чем нагнуться, и сердито оглядывается на нас троих.

– Прекратите жалеть себя и расправьте плечи, станьте снова такими, какими вы были рождены. Я видела, как вы разоблачили продажного судью и заставили конгрессмена покинуть свой пост. Семнадцатилетней девчонке вас не сломить. – Мейбл снова обводит нас троих глазами. – Следите за ней, когда она вас не видит, заставляйте ее действовать так, как вам надо. Пусть она думает о вас каждое мгновение, каждый день – могу поспорить, она уже думает. Застаньте ее

врасплох и не бойтесь испачкать руки, если придется.

– Но почему? – спрашивает ее Ройс, и она переводит взгляд на меня.

Я смотрю ей в глаза и отвечаю:

– Потому что это необходимо.

Ройс вскакивает, Кэптен подходит ближе.

– Для чего? – с опаской спрашивает Кэп.

Я морщу лоб, а Мейбл выставляет подбородок.

Я смотрю на братьев.

– Чтобы сломать ее.

– Это то, чего ты хочешь? – спрашивает меня Кэптен с яростью во взгляде, которую он даже не пытается скрыть. – Хочешь толкнуть так, чтобы она упала?

– И тут же подхватить ее, да.

– А что, если она упадет не так, как нужно? – неуверенно спрашивает Ройс.

Я стискиваю зубы. Это исключено.

– Тогда мы убедимся, что ей будет очень больно, когда она долетит до земли.

* * *

Кэптен подъезжает к школе и паркуется.

– Вы только посмотрите на этих мудаков. Собрались, чтобы посмотреть, что будет.

Ройс качает головой, нахмурившись.

– Нам нужно сделать это здесь, мать его, и быстро.

Кэптен бросает взгляд на меня, и я дергаю подбородком, чтобы он выкладывал, что у него на уме.

– Ты уверен, что готов?

– Готов к чему? Это наша, мать ее, школа.

– Ага, – он кивает, все так же глядя на меня. – И это твоя, блин, девушка будет идти за руку с Грейвеном. Коллинзом, мать его, Грейвеном, – с яростью произносит он, и мои челюсти сжимаются. – Так что я спрашиваю снова: ты готов к этому?

– Я переломаю ему запястья, Кэп.

– Мы будем рядом, чтобы помочь тебе, старик, но мы не можем игнорировать тот факт, что она сделала свой выбор. Делай, что нужно, но не забывай, где она спала в прошлые выходные.

Мой взгляд ожесточается, и он пожимает плечами, а в его глазах отражается разочарование.

– Ты должен услышать это, брат, потому что черт его знает, что будет дальше. – Он смотрит мне прямо в глаза.

– Мы уже обговорили все это дерьмо. Мы идем туда, обращаемся с ней так, как со всеми остальными, и действуем по обстоятельствам.

– Ага, – он кивает. – Я знаю, что мы это обсуждали, но я заметил, как ты заскрипел зубами, когда мы заехали на эту парковку, и как задергалось твое колено, и как ты сжал кулаки прямо сейчас.

Я распахиваю дверь и выхожу из машины, а потом оборачиваюсь, чтобы нагнуться и взять свою сумку.

– Аргументы, мать твою, приняты.

На его лице показывается слабая улыбка, и они вместе следуют за мной.

Мы встаем перед своим внедорожником, к нам подходят Мак и Лео.

Я смотрю на Лео и на старый «Тандерберд»², на котором он приехал. Это кусок дерьма, но все же...

Он и вправду купил его на зарплату разносчика газет?

– И как долго ты на него откладывал? – я указываю подбородком на машину, но не отрываю взгляда от Лео.

Он пожимает плечами, на мгновение оглядываясь на свою машину.

– Месяцев шесть, но я все еще плачу за нее.

Я киваю, переводя взгляд на братьев.

Ройс смотрит на меня, потом на него и протягивает руку.

– Круто, брат. Что ты смог.

Может, это и правда.

Мак подходит, чтобы пожать нам руки, и в тот же момент Лео начинает говорить:

– Что за безумная фигня произошла на собрании, а?

– Мы знали, что Коллинз что-то задумал. – Ройс пожимает плечами и шагает к школе, так что мы все идем за ним, вынуждая Лео и Мака либо остаться, либо последовать за нами.

² Ford Thunderbird – американский заднеприводный люксовый автомобиль.

– Но Рэйвен, кто бы мог подумать, – подхватывает ублю-
док, качая головой.

– Да каждый, мать его, мог подумать. – Я бросаю на него
ничего не выражающий взгляд, хотя сейчас мне больше хо-
чется залить в его горло хлорку от мысли, что он может так
свободно говорить о ней. – Она же дочь шлюхи, чего ты ожи-
дал? Ты и вправду думаешь, что мы позволили бы ей долго
тереться рядом с нами?

Яд от этих слов разъедает мне язык, так что я отворачи-
ваюсь, прежде чем он прочитает мой взгляд.

– Если уж речь зашла о шлюхах, – говорит Мак, очевидно,
заметив смену выражения на моем лице. – Вы, парни, слы-
шали, что Тильду Стивенсон застукали, когда она отсасыва-
ла судье на соревнованиях по чирлидингу на выходных?

– В натуре? – Ройс тут же ухватывается за возможность
съехать с темы, предоставленную Маком.

Лео подавляет смехок.

– Ага, мы слышали, что их застал тренер.

Кэп смотрит на меня, и я хмурюсь, проследив за его взгля-
дом.

Девчонки толпятся посреди коридора, болтая, и у меня
вырывается стон.

Дьявол.

Конечно же, они в ожидании шоу.

Я даже не пытаюсь скрыть раздражение, подходя к своему
шкафчику. А чей-то смех заставляет меня повернуть голову

как раз в тот момент, когда к Маку, Лео и остальным в конце коридора подходит Хлоя.

Хм...

Я оборачиваюсь к Ройсу.

– Хлоя? – Он хмурится, взглянув в конец коридора, а потом смотрит на меня так, словно я слетел с катушек.

Я пожимаю плечами:

– Почему бы не позволить ей наехать по полной, посмотрим, может Рэйвен расколется.

– Хлоя не такая смелая, чтобы вздрючить кого-то – а мы ведь говорим о Рэйвен, – смотрит на нас Кэптен. – Рэйвен не *расколется*.

– Ага, она сама раскалывает ублюдков. – Ройс качает головой, но потом его внимание отвлекает кто-то в конце коридора, и он хмурится. – Но если ты хочешь проверить... – Он снова смотрит на меня, на его лице злость и волнение. – Натяни на лицо свою маску, брат. Она только что повернула за угол. Вместе с ним.

Я медленно поворачиваюсь, чтобы посмотреть в том же направлении, и внутри меня все начинает гореть, словно мне в вены ввели лаву.

Мои глаза следят за ней, и кулаки сжимаются сами собой. Мне так поимели мозг, что я даже не задумался о том, что все ее шмотки остались у нас дома – а значит, ему пришлось купить ей одежду.

Мои попытки сохранять хладнокровие совершенно бес-

полезны, и у меня на лбу появляется глубокая складка.

Она попыталась переделать ее, но эти люди видят, какие деньги перед ними.

Она поднимает голову и встречается со мной взглядом, но она не колеблется – ни на секунду.

Волосы у основания моей шеи поднимаются, плечи напрягаются.

Я перевожу взгляд на Коллинза, и, конечно же, этот мудака смотрит прямо на меня.

Его лицо медленно расплывается в ухмылке, а его рука так же медленно обнимает ее талию.

О, так он хочет, чтобы ему, мать его, как следует написали?

Она тут же бросает взгляд на меня, но не отшатывается от его инородного прикосновения и не пинает по его чертовым яйцам, как это сделала бы моя Рэйвен.

Нет, она позволяет его мерзкой руке лапать ее.

Я делаю шаг вперед, но Кэп наполовину блокирует меня своим плечом, шипя:

– Остынь. Не сейчас.

Они останавливаются в коридоре, и Коллинз открывает, видимо, свой чертов шкафчик, так удачно расположенный прямо напротив двери кабинета Перкинса.

Я заставляю себя отвести взгляд, и мое внимание привлекает Хлоя, которая идет прямо ко мне.

Я снова смотрю на Рэйвен, чей пустой взгляд прикован

к затылку Хлои, и мне интересно, сделает ли она хоть одно движение – мне прямо хочется, чтобы она, мать ее, его сделала.

Хлоя останавливается прямо передо мной, и я неохотно перевожу взгляд на нее.

Она ухмыляется:

– Отлично сыграли, Мэддок.

– Мы проиграли.

Она не смущается – ей нет до игры никакого дела.

– Не хочешь заехать сегодня в загородный клуб? Все члены команды будут на благотворительном ужине в городе, так что нас будет немного. – Она шагает ближе, и я позволяю ей. Ее груди трутся о мою футболку.

Я бросаю взгляд на Рэйвен – она смотрит на меня.

Не отрывая от нее взгляда, я поднимаю руку и кладу ее туда, куда Коллинз положил свою на нее. Я облизываю губы, зная, что Рэйвен все еще наблюдает.

– Может, и заеду.

Я отодвигаюсь, намеренно ухмыляясь во весь рот, и глаза Хлои темнеют.

Эта девчонка жаждет власти и кайфует, получая то, чего хочет. Она поднимает руку и проводит ею по моей груди.

А я снова смотрю на Рэйвен.

В ее глазах появляется напряжение, но она быстро прячет его, а я, проследив за ее взглядом, обнаруживаю, что за ней наблюдает Лео.

Что такое, на хрен, происходит между этими двумя?

Я отделяюсь от Хлои, потому что внимание Рэйвен уже не приковано к нам. Я бросаюсь вперед, но она чувствует, что я приближаюсь, и вскидывает голову, скрывая эмоции под безразличным взглядом.

Коллинз захлопывает шкафчик и, взяв ее за руку, тащит по коридору, но я догоняю и хватаю ее за запястье свободной руки, разворачивая к себе.

Она выдергивает руку, в которую вцепился Коллинз, позволяя мне притянуть ее к себе.

– Рэй, – рывкает он у нее за спиной, но она никак не противится моей хватке. Она делает глубокий вдох и смотрит мне прямо в глаза.

Она медленно опускает и поднимает ресницы, и мой пульс учащается.

– Я слежу за тобой, – выдавливаю я сквозь сжатые зубы, нависая над ней. – За каждым. Чертовым. Движением.

Могу поклясться, уголок ее рта слегка приподнимается, прежде чем взгляд становится жестким, и она шепчет, чтобы ее услышал только я:

– С чего ты взял, что это не то, чего я как раз хочу?

Мои брови сходятся на переносице, и она пользуется этим моментом, чтобы высвободить свою руку.

Она отходит от меня, но поворачивается, только дойдя Лео, и шагает прямо к нему.

Он выпрямляется, поднимая подбородок, и ее губы мед-

ленно расплываются в ухмылке. Она смеется ему в лицо, а потом смотрит на меня.

– Рэй, – рычит Коллинз, и она разворачивается, занимает свое место рядом с ним, и они вместе уходят прочь.

Я продолжаю стоять как прикованный.

– Не на что пялиться, народ, шевелите булками, – выкрикивает Ройс, и все разбегаются, потому что звучит первый звонок.

Кэптен, нахмурившись, шагает ко мне.

– Так, говоришь, у тебя все под контролем?

Я передергиваю плечами.

– Отвали.

Я вылетаю через двойные двери и иду к спортивным площадкам.

К черту уроки, и к черту Рэйвен.

Я хватаю мяч из сырой корзины и бегу по баскетбольной площадке. Подпрыгиваю, чтобы забросить его в корзину, хватаюсь за кольцо и подтягиваю тело, а потом отпускаю.

Я рычу и бросаюсь за другим мячом.

Что это, на хрен, только что было? И что, мать ее, она имела в виду, когда сказала, что, возможно, именно этого она от меня и хочет?

Я играю ей на руку?

Или она хочет, чтобы я смотрел в оба по какой-то другой причине?

Проклятье!

Я делаю шаг вперед и останавливаюсь для трехочкового, с легкостью его забрасываю.

Черт побери, я разговариваю прямо как мудачье. Я никогда никому не позволял лезть ко мне в голову и уж точно не собираюсь соглашаться на это сейчас.

Проблема в том, что Рэйвен, мать ее, Карвер не просто у меня в голове, она – сопротивление в каждом мускуле моего тела, борющееся с каждым движением, противостоящее моему стремлению вперед, препятствующее моему продвижению. С тем же успехом она могла бы просто схватить меня за чертовы яйца и сжать их.

Я вытаскиваю телефон и пишу сообщение на одноразовый мобильник, спрятанный в камере моего отца, чтобы он позвонил мне ночью, если сможет.

Судя по тону моего отца, наше сближение с Рэйвен настояжило его, но он попросил не уступать ее Грейвенам.

Перкинс все больше и больше сует нос в наши дела. Не то чтобы он раньше не вмешивался, но сейчас, когда появилась Рэйвен, он стал особенно активным.

А Мейбл не в курсе дел.

Все не складывается в общую картину.

Мне нужны ответы, но теперь я даже не понимаю, какие вопросы задавать.

Она вполне может быть просто нищей девчонкой, которая взяла деньги и сбежала, так что тут нечего и выяснять.

В смысле, блин, мы-то ей предложили лишь временное

место для ночевки, верно?

Я усмехаюсь от этой мысли – капец, если она и вправду так думала.

Она стала для нас чем-то намного бóльшим.

Бóльшим, чем мы могли себе представить.

Бóльшим, чем мы когда-либо хотели.

Всем, в чем мы, трое хладнокровных мудаков, нуждались.

Я сую телефон в карман и поднимаю с земли рюкзак, отправляясь на уроки.

Рэйвен Карвер – моя.

Глава 7

Рэйвен

Один день.

День, мать его, номер один, а я уже готова набить этим сукам морды.

Еще *никогда* в моей проклятой жизни я так долго не сохраняла самообладание.

Откровенно говоря, если подумать, я вообще не знала, что у меня *есть* самообладание.

Каждый урок – адский кошмар, но я ни разу не оторвала взгляда от тетрадки – спасибо, мать вашу, этой тупой районной неделе тестирований.

Сейчас время ланча, и радостные шлюшки порхают вокруг, крайне агрессивно настроенные.

И я более чем уверена, что вот-вот взорвусь, если что-нибудь с этим не сделаю.

Стоит об этом только подумать, мне как будто подают знак свыше – мое внимание привлекает яркое черно-бирюзовое пятно в виде огромного изогнутого лука. Хлоя вышагивает походкой от бедра по столовой – прямо как моя мама, вышедшая на охоту.

Я не свожу с нее взгляда, отмечая каждый покачивающийся-

ся шаг. Ее ноги несут ее прямо к столику парней.

Я вскакиваю со стула прежде, чем Коллинз успевает меня остановить, и быстро выдвигаюсь ей навстречу.

Я намеренно делаю шаг к ней, чтобы она врезалась в меня, и, конечно, замечаю, как в ту же секунду вокруг стихают все разговоры.

Она отлетает назад, я же, лишь слегка качнувшись,правляюсь быстрее ее.

Сумка чирлидерши слетает с ее плеч, и она выругивается, переводя взгляд с сумки на меня. А потом ее глаза распахиваются, когда до нее доходит, в кого именно она «врезалась».

– Смотри, куда прешь, – выплевывает она, но я ухмыляюсь, видя, как кончики ее пальцев инстинктивно поднимаются к волосам, собранным в махонький хвостик.

– Ну, как тебе с короткими волосами? – подначиваю я.

Ее рука тут же опускается, она выпрямляется.

– Классно, – лжет она с мерзкой улыбкой. – Спасибо за стрижку.

– Обращайся, – отвечаю я, но чувствую, как мой взгляд становится тяжелее, пока мы стоим друг напротив друга.

Я делаю шаг к ней, и меня мгновенно охватывает пламя, голова начинает кружиться.

Да, я скучала по этому чувству.

Ее зрачки расширяются, и я могу лишь представить, как изменились мои глаза, раз Снежная королева вдруг так испугалась.

Я копила злость в себе так долго, не имея возможности выпустить пар.

Мое тело зудит, умоляя меня вцепиться ей в глотку, чтобы все вырвалось наружу – я практически не сплю уже несколько дней.

– Отвали, Рэйвен, – шепотом произносит она, отклоняясь телом назад, в то время как ее ноги будто приросли к полу.

И мне следовало бы так и сделать. Она всего лишь столкнулась со мной, да и то только потому, что я сама об этом позаботилась, при этом убедившись, чтобы все выглядело так, будто это она виновата, но мы, девочки, так же умны, как и безмозглы. Они поймут.

– Я Рэй. – Я хватаю ее сумку с пола и швыряю в мусорную корзину рядом. – И я не могу этого сделать.

Она охает и бросается вперед, но я преграждаю ей путь.

Я сую руку в боковой разрез платья и вытаскиваю то, что мне нужно, из-за пояса трусиков, сжимая в кулаке, чтобы она не увидела. А потом вытягиваю руку над мусорной корзиной.

– Что ты делаешь... – Она наклоняется ближе, но замирает, потому что мои глаза застилает дьявольская тьма. – Там же моя форма.

Не сводя с нее взгляда, я щелкаю зажигалкой, и из нее вырывается пламя.

Ее взгляд скачет между мной и пламенем, она нервно облизывает губы, пытаясь – безуспешно – беззаботно пожать плечами.

– Да пофиг, я куплю новую.

Я едва заметно киваю, скрывая раздражение из-за того, что не подумала об этом. Но она начинает переминаться с ноги на ногу, и я наклоняю голову.

– Ну, значит, никакого расстройства, *эм?* – тихим голосом травлю ее я, опуская руку на дюйм ниже.

– Да, но... – вырывается у нее прежде, чем она успевает захлопнуть рот, чтобы больше ничего не сказать.

У меня по спине пробегает холодок, и я опускаю руку так, чтобы пламя лизнуло подвернутый край сумки.

Она борется с собой, и я отдаю ей должное, но ее напускная смелость вдруг улетучивается, а дыхание сбивается, выдавая панику.

– Подожди! Там наши значки! Наша музыка, реквизит, все необходимое!

Я ничего не отвечаю, и ее глаза становятся влажными – одновременно от ярости и отчаяния.

Она злится, потому что знает, что не сможет остановить меня.

– Мы вылетаем завтра вечером. Нам *никак* не заменить все это вовремя!

Хорошему человеку стало бы стыдно, он бы отступил и позволил бы ей порыться в мусоре – этого было бы достаточно, чтобы донести до нее нужную мысль.

Он мой.

– Мы добивались этого *целых четыре года!* – визжит она,

наклоняясь, но замирает на месте под моим тяжелым взглядом.

Запах жженого пластика наполняет мои ноздри, и я делаю глубокий вдох. В следующую секунду огонь добирается до салфетки, и через мгновение пламя охватывает всю корзину.

Крики и визги заполняют помещение, а я просто сую зажигалку обратно за пояс, жду еще минуту, пока не начинает трещать металлический замок – пламя пожирает ее сумку, а потом делаю шаг назад.

Она бросается вперед, но уже не может ничего сделать – все превратилось в пепел.

– Надо было сказать «пожалуйста», – глумлюсь я, слыша, как она выругивается сквозь слезы у меня за спиной.

Она знает, что это не помогло бы.

Из-за угла показывается директор Перкинс, словно все это время он был поблизости и наблюдал за происходящим. Он направляется ко мне, но, к моему удивлению, отступает при виде Коллинза, оказавшегося рядом. Он и и глазом не ведет, когда Коллинз хватает меня за плечо так грубо, что остается синяк.

– Ты за это заплатишь, Карвер.

– Поцелуй меня в задницу, Грейвен.

Он издает мерзкий смешок, а потом шепчет мне в ухо:

– Ага, или ты будешь целовать кое-что уже через несколько секунд. Я знаю, что за хрень ты сейчас устроила и почему. Так что нужно перестраховаться.

– Я не...

Я не успеваю договорить – меня отталкивают к шкафчикам, а в челюсть Коллинза прилетает мощный хук справа.

Он падает назад, ударяясь о металл рядом со мной.

Коллинз сплевывает и бросается на Мэддока, который разводит руки, словно приглашая его.

Услышав, что начался кипеж, ученики устремляются в коридор, но Кэптен и Ройс преграждают им путь, как кирпичная стена, и захлопывают двери столовой.

Услышав тяжелый стон, я поворачиваюсь к дерущимся.

Коллинз ударяет Мэддока в живот, но тот лишь смеется и слегка сгибается, хватая Коллинза за ногу и плечо. Поднимает его и ударяет боком об стену, а потом с грохотом швыряет на пол.

– Еще хоть раз схватишь ее так, ублюдок, и я перелому тебе руки.

Коллинз бросает быстрый взгляд на меня, и по его лицу я понимаю, чего он хочет.

Решай проблему.

Проклятье.

Я прикусываю щеку изнутри, быстро и сильно, пока по горлу не начинает струиться кровь. Мои щеки будут одной сплошной раной, когда все это закончится.

Но если мое тело будет истекать кровью, возможно, сердце не будет.

– Он может хватать меня, когда захочет, – говорю я, сама

удивляясь твердости своего голоса: у меня в голове это был стыдливый мерзкий шепот.

Мэддок оборачивается и смотрит на меня диким взглядом. Ему придется убедить себя, что сейчас я сказала то, что сказала.

Ройс и Кэптен медленно приближаются к нам – их нахмуренные лица повернуты ко мне. И от меня не ускользает то, как Перкинс исчезает в другом конце коридора.

Могу поклясться, на его лице была ухмылка.

Плечи Мэддока все еще напряжены, но он шагает ко мне.

Ярость и неуверенность.

Боже, что же я делаю? Это не должно было так ранить его.

Я глубоко вдыхаю и делаю полшага к нему, но Коллинз вскакивает на ноги и бросается ко мне.

Мэддок смотрит вниз на меня, его руки подергиваются.

Толпа обступает нас.

– Рэй... – зовет меня Коллинз. В его голосе звенит самая фальшивая нежность, какую я когда-либо слышала, громко и отчетливо – чтобы все эти придурки услышали.

Могу ли я сделать это перед всеми их людьми? С врагом?

Есть ли у меня, черт подери, выбор?

Я отвожу от него взгляд, потому что на этот раз просто не могу смотреть ему в глаза, и делаю шаг в сторону, но, конечно же, он вытягивает руку и останавливает меня рядом с собой, плечом к плечу, но мое тело развернуто в одну сторону, а его в другую.

И мы оба поворачиваемся, чтобы встретиться взглядами. Я вижу в его глазах то, что чувствую сама.

Это попытка.

– Мэдмэн, – тихо произносит Ройс.

Это срабатывает – Мэддок отступает, пряча от меня глаза под привычной маской. Я свободна. Он быстро уходит прочь.

Коллинз подходит ко мне, и я украдкой сжимаю зубы, когда он берет меня за руку и подносит мои пальцы к своим губам. Он уводит меня, прикладывая немалые усилия, чтобы изобразить доброту.

Лживый сукин сын.

Как только мы сворачиваем за угол, он заталкивает меня в темный кабинет, и мы оказываемся лицом к лицу.

– Ты что, мать твою, издеваешься надо мной? – рявкает он, ударяя рукой по стене рядом с моей головой, словно ожидая, что я подпрыгну.

Я этого не делаю.

– Почему я должен вечно напоминать тебе, чтобы ты держала свою задницу рядом со мной? – шипит он.

– Потому что слушатель из меня дерьмовый.

– Ну, тебе, мать твою, придется научиться слушать, а иначе видео окажется не только на сайте этой чертовой школы, но и в вечерних новостях, на хрен.

– У тебя кишка тонка.

– Если бы ты в это верила, тебя бы здесь не было.

Я отпихиваю его.

– Я знаю, что это так, детка, – вдруг произносит он, поспешно пододвигаясь ко мне. А потом шепчет: – Стой спокойно и не смотри, Брей номер три следит за нами. – Его рука обнимает меня за талию и сжимает.

Брей номер три?

Какой же он идиот. Нет никакого номера три, есть три номера один – каждый силен так же, как другие двое. Если он надеется найти среди них слабое звено, его ждет разочарование.

– Я сейчас наклонюсь, и ты мне позволишь. Не вздумай отталкивать меня, – предупреждает он тихим голосом.

– Однажды ты за все это заплатишь, Грейвен. Так или иначе, – шиплю я в ответ.

Он усмехается, выдыхая мне в шею, в то время как его рука на моей талии поднимается вверх.

Я вдавливаю ногти ему в бицепсы так, чтобы остались отметины, и он весь сжимается, как сучка.

– Клянусь тебе, детка, – почти в полный голос произносит он. – Он едва задел меня, не волнуйся. – Его губы скользят по моей щеке, и я закрываю глаза, чтобы не пришлось смотреть на его лицо.

Его рот опускается к моему, и в то же мгновение в коридоре громко хлопает дверь, а потом слышен звук удаляющихся шагов.

Я отпихиваю его прежде, чем его губы успевают лечь на

мои, втягивая грудь так, что она едва не прогибается. А Коллинз смеется, ударяя костяшками пальцев мне под подбородок.

– Отличная работа, Рэй, – улыбается он и выходит.

Я закидываю голову назад и шлепаю ладонью по стене, позволяя себе пострадать минуту.

Я делаю глубокий вдох, выхожу из кабинета и замираю, потому что напротив двери стоит Бас со скрещенными на груди руками, уставившись перед собой.

Он крутит колечко в губе, разглядывая меня.

– Что, мать твою, тебе-то нужно? – резко произношу я, злясь на все и всех.

Он протягивает мне мой рюкзак – должно быть, он забрал его из столовой для меня.

Он смотрит мне прямо в глаза примерно минуту, а потом качает головой и уходит прочь.

Ой, да пусть тоже катится ко всем чертям.

Я иду на следующий урок – урок, на котором сидит и Мэддок. Я вхожу в кабинет с высоко поднятой головой, однако мои ноги слегка запинаются, потому что я вижу, как он развлекает одну из миньонов Хлои.

Я делаю еще один шаг, и ее взгляд поднимается, встречается с моим.

Я вижу в ее голубых глазках вспышку паники, и она быстро отводит взгляд, вытаскивает телефон и машет Мэддоку, возвращаясь к своему месту.

Внезапный телефонный звонок, да?

Мэддок откидывается на спинку стула, и я подхожу ближе.

Я сажусь на свое место и проигрываю в уме то, что только что случилось.

Я знала, что эти девчонки умны.

Да, леди, все верно. Может, я и не с ним, но и вы с ним не будете, пока я рядом.

Остаток дня проходит чуть менее отстойно, хоть все во мне и видят подлую суку.

Глава 8

Мэддок

Рэйвен и вправду, мать ее, сидит там, в этом чертовом темном углу, меньше чем в пяти футах от нас, притворяясь, будто мы не находимся в идеальной для нее зоне видимости.

Она прикидывается, будто занята тем, что потягивает пиво, но оно у нее в руках уже больше часа – а значит, на вкус уже мало чем отличается от теплой мочи.

Грейвен подстроил это, зная, что мы не подойдем к нему, пока она рядом.

Единственная причина, по которой я до сих пор не надрал ему задницу, – он вышел на улицу с приклеенным к уху телефоном уже двадцать минут назад, а она ни разу не подняла свою задницу.

Несколько людей пытались остановиться рядом с ней, чтобы поболтать, непонятно на что надеясь, но она одним взмахом руки отправляла восвояси всех, кто подходил к ней ближе чем на два фута, – даже девчонку из общего дома, почему-то оказавшуюся здесь этим вечером.

Девчонка явно была этим задета, но Рэйвен и бровью не повела.

Ко мне подходит какая-то девица, и в ту же секунду взгляд

Рэйвен наконец падает на меня.

Я так и знал, что она следит.

Эта цыпочка мне незнакома, но ее хищный взгляд говорит мне, что она точно знает, кто я.

Девушка опирается локтями на стол, опуская свои груди прямо к моему лицу, словно я какая-то отчаявшаяся скотина, неспособная себя контролировать, и непременно залипну взглядом.

Я встречаюсь глазами с Рэйвен, и она выпрямляется.

Ты так и будешь сидеть там, детка... И не подойдешь заявить о своем праве собственности?

У нее на переносице появляется складка.

Она точно знает, чего я хочу от нее, но, конечно же, делает прямо противоположное и откидывается на спинку стула.

Едва заметно качнув головой, я оттягиваю шею назад, чтобы взглянуть на девушку передо мной.

Ее глаза загораются, ведь она наконец привлекла мое внимание, а лицо расплывается в улыбке.

У нее нет недостатка во взглядах со всех сторон, но она отчаянно, даже слегка чересчур, старается получить того, на кого сама положила глаз.

Я слегка приподнимаю подбородок, давая ей понять, что хочу что-то сказать, и она прикусывает нижнюю губу, как типичная девушка, пытающаяся выглядеть соблазнительно, но не обладающая природной притягательностью или шармом.

Я вижу, что глаза Рэйвен по-прежнему прикованы к нам,

в то время как девушка тянется ко мне, пододвигая ухо к моему рту, о чем я и просил.

– Скажи, как тебя зовут, – шепчу я, намеренно делая так, чтобы она почувствовала на своей коже мое дыхание.

Ее грудь вздымается, и она наклоняется еще ниже. С каждым сантиметром, приближающим ее ко мне, глаза Рэйвен сужаются сильнее.

Я решаю надавить посильнее. Поднимаю правую руку и пробегаюсь кончиками пальцев по всей длине ее руки.

Я касаюсь губами ее уха, и ладони Рэйвен обхватывают край стула.

Но тут она неожиданно отводит взгляд влево. Я следую за ним и вижу Морган, одну из чирлидерш, стоящую в нескольких футах от нас.

Морган как будто чувствует взгляд Рэйвен на себе и оглядывается. Она тут же бледнеет, бросается к нам и одергивает цыпочку в моих руках.

– Эй! – вскрикивает та, вопросительно уставившись на подругу, но, увидев ее побелевшее лицо, напрягается. – Что случилось? – спрашивает она.

Морган с нервной полуулыбкой наклоняется и шепчет что-то в ухо подруге. Глаза девушки передо мной широко распахиваются, каждый дюйм ее тела начинает в панике трястись.

– Черт. – Она сглатывает, медленно отодвигается от меня, они обе поспешно отходят, собирают по всей комнате подру-

жек, включая ту, с которой обтирался Ройс, и все исчезают за дверью.

Какого хрена?

Я бросаю взгляд на Кэптена, в то время как Ройс подается вперед, глядя им вслед, а потом быстро поворачивается к нам.

– Это что только что случилось?

– Я объясню тебе.

Мы все трое оборачиваемся и вперываем взгляды в цыпочку позади меня, но она не шарахается от нас.

Она выпрямляется, расправляя плечи.

Да это же цыпочка из общего дома, Виенна.

Я отвожу взгляд к Рэйвен, но на ее месте уже никого нет.

– Это, – начинает Виенна, – вкус вашего лекарства, ребята.

– Что за хрень ты несешь? – шагает к ней Ройс.

Она ухмыляется.

– Вы хотели королеву, вы ее создали. Такую, какой здесь прежде никогда не было. Такую же сильную, как вы, такую же смелую. Но у нее, парни, есть одно существенное отличие от вас.

– Продолжай, мать твою.

Она смеется, оглядывая нас троих.

– Ваши действия можно просчитать, а она... непредсказуема в своей *безбашенности*.

Ее слова задевают меня за живое, потому что я точно

знаю, куда она клонит.

– Они теперь ее боятся, как вы и хотели. Вы поначалу пытались заставить их уважать ее, но она сама заслужила уважение. Вы думали, что парни не будут трогать *ее*? – Она снова смеется. – Добро пожаловать на другую часть спектра, Брейшо. Ваша же собственная королева может теперь свергнуть вас с трона. – Она переводит взгляд на противоположную сторону комнаты, где Рэйвен как раз выходит. – А с Грейвеном рядом тем более.

Мое тело начинает трясти от гнева, но я вытягиваю шею в сторону, чтобы избавиться от этого ощущения.

– Убирайся отсюда на хрен, девчонка из общего дома, – рывкает Ройс. – И держи свою маленькую теорию при себе, мать твою.

Она усмехается, пожимает плечами и уходит.

Ройс хмурится ей вслед.

– Она права, да?

Я смотрю на Кэпа – тот кивает.

Проклятье.

– Может быть, и права.

– Я не могу поверить, что она нас так поимела, – выплевывает он.

Так, я сыт по горло этим дерьмом.

Я даже не осознаю, что двигаюсь, пока Кэптен не хватает меня обеими руками за плечо и не оттаскивает в соседнюю комнату.

Там сидит несколько человек, но Ройс проскакивает в дверь за нами и хлопает в ладоши, сигналив им, чтобы они убегали отсюда.

Как только они выходят, он захлопывает дверь, и Кэп отступает на шаг.

– Какого хрена, чувак? – ору я.

– Ты не можешь...

– Что не могу? – Я раскидываю руки. – Покончить с этим дерьмом, надрать его чертову задницу так, чтобы он не смог больше ходить, заставить его вернуть свою задницу туда, где ее место, и потребовать, чтобы он оставил в покое то, что принадлежит мне? Потому что я, на хрен, уверен, что могу! В смысле, чем мы, мать вашу, вообще занимаемся? Чертовой разведкой? К хренам все это!

– Ты не знаешь, твоя ли она. Зато мы знаем, что она спланировала все это дерьмо.

– Ты реально, мать твою, так думаешь, Кэп?

Его губы сжимаются в тонкую линию, и он отводит взгляд.

– Я не знаю, блин, что и думать, но мы не можем надавить на нее. Она знает то, о чем мы не можем позволить узнать другим людям.

Дьяваяявол.

Зоуи.

Я провожу ладонями по лицу, качая головой.

– Кэп... блин, чувак, я...

Он поднимает руку.

– Мы разберемся с этим, если до этого дойдет.

– Я думаю, нам нужно избавиться от нее, – встревает Ройс, и мы смотрим на него. Он мгновение колеблется, а потом пожимает плечами. – Она с Коллинзом. Мы не можем игнорировать этот факт.

– Не может такого быть, чтобы все это было так ясно и просто. Вы видели, что она творит? Все это дерьмо с Хлоей и остальными девчонками? Виенна была права, они смылись, потому что боятся ее. Если они думают, что ей не все равно, когда они подходят к нам, как, блин, можем об этом не думать мы?

– А может, ты просто видишь то, что хочешь, Мэдмэн, – бормочет Ройс с отчаянным видом.

Он и сам не верит в то, что говорит, но не хочет чувствовать боль, теряя ее во второй раз.

Она отреагировала сегодня вечером и в коридоре школы. Или я и вправду заблуждаюсь, как он говорит.

– Почему отец не перезвонил? – спрашиваю я их. – Я отправил ему сообщение, а он молчит. Он говорил, что разбьется со всей этой хренью, а сейчас тишина. Почему?

Они оба хмурятся и в растерянности качают головами.

– К черту все, – бормочу я. – Я сыт по горло этим дерьмом. Уходим.

Они оба соглашаются, и через несколько минут мы оказываемся в машине, оставляя вечеринку и Рэйвен позади.

Никто из нас не произносит ни единого чертового слова

по дороге к дому, который почему-то кажется опустевшим.

Рэйвен

Я трясую ногами и разминаю плечи, вдыхая морозный воздух декабрьской ночи.

Проклятье, я вот-вот взорвусь.

Я готова была убить эту девку. Ей повезло, что ее подружка заметила меня в углу и дала ей возможность унести свою задницу прежде, чем я вцепилась ей в волосы.

Мне это было просто необходимо. Коллинз уже включил режим суперпридурка после всего, что произошло в школе, но к черту его. Я дала этому сукину сыну тридцатидневную фору, а теперь пусть сам выживает в окружении людей Брейшо.

И все же, какого хрена творит Мэддок? Для меня нелогично испытывать такое раздражение, ведь это я ушла от них – ушла от него, – не сказав ни слова, но все же. Я просто не могу видеть, как его руки оказываются на ком-то другом. Может, он знает это и намеренно так поступает, а может, я была просто очередной девушкой Брей и скоро мое место займет другая.

Я только понимаю, что не могу смотреть на это, поэтому им придется держать свои чертовы руки, ноги и лица при себе, пока я на позволю им что-то большее – а это будет, когда я уеду.

– Что ты делаешь?

Я закатываю глаза и оборачиваюсь, разводя руки.

– Дышу, Коллинз. Просто, мать твою, дышу.

Он отпускает смешок и подходит ко мне.

– Ты сегодня просто молодец, сохранила хладнокровие. Я впечатлен.

– Ой, спасибо. Цель достигнута, – с каменным лицом отвечаю я.

Он улыбается и вглядывается в темноту ночи, как я только что.

Он кивает, его брови сходятся на переносице.

– Нам не обязательно бороться друг с другом, Рэй. Все могло бы быть совсем иначе.

Я фыркаю.

– И ты бы не держал меня здесь, шантажируя?

– Нет. – Он наклоняет голову, продолжая смотреть перед собой. – Мне все равно пришлось бы держать тебя здесь, но ты бы не чувствовала себя такой несчастной, понимаешь? – Он поворачивается ко мне.

Я хмурюсь, он пожимает плечами.

– Мы с тобой могли бы стать друзьями, если бы не они. Между нами все было бы хорошо, и это был бы наш выбор, – говорит он, пристально глядя на меня. – Я же неплохой парень, и если бы ты не оказалась в центре нашей проблемы, то смогла бы увидеть это сама.

– Может, ты и прав. – Я обдумываю его слова и решаю высказаться честно. – Но я не могу сказать наверняка. Сей-

час ты для меня придурок, вставший между тем, где я есть, и тем, где я хочу быть.

Он качает головой.

– Ты хочешь быть там только потому, что они первыми тебя заполучили.

Я закидываю голову назад.

– Никто меня не заполучил, и мы не можем вернуться во времени. Я сама решила, что мне делать, и знаю, какую ответственность за это понесу. Этот разговор не имеет никакого смысла. Ты найдешь меня рядом со своей машиной, когда решишь, что вынюхал тут достаточно.

– А что, если я скажу тебе, что знал о твоём визите ко мне ещё до того, как ты пришла? – перебивает меня он, и я застываю на месте.

Я медленно разворачиваюсь к нему.

– Я отвечу, что ожидала этого. Уверена, что ты следил за каждым их движением. И могу поспорить, что у тебя есть свой частный детектив, который следит за их детективом. Ты пользуешься помощью со всех сторон, Коллинз, но однажды тебе придется самому предпринимать какие-то шаги, не рассчитывая на других людей. Человек, неспособный действовать самостоятельно, – слабый человек, а я ни разу не видела ничего, сделанного тобой самим.

– Это вызов?

– Вызов, наблюдение, просто чертов факт, – я пожимаю плечами. – Называй как угодно, Грейвен, но это совершенно

неважно, потому что в конце дня ты – это все тот же ты, а они – это они. И они превосходят тебя по числу и смелости.

Я поворачиваюсь и ухожу.

К черту эту жизнь.

Глава 9

Рэйвен

После третьей перемены я иду на совместный урок с Мэддоком, а *теперь и с Коллинзом*, и обнаруживаю, что у меня нет стула.

Я поднимаю глаза и встречаюсь глазами с Мэддоком, который опускает подбородок вниз, лениво откинувшись на спинку стула.

Я смотрю на учительницу, которая определенно избегает моего взгляда – она знает, кто это сделал, и это совершенно точно не она.

Я уже готова послать всех к черту и выйти из кабинета, когда Коллинз внезапно проявляет чуть больше храбрости, чем следует.

– Иди сюда, детка, – говорит он, и весь чертов класс вдруг смолкает. Даже учительница замирает с отведенной в сторону рукой, которой она уже собиралась что-то писать на доске.

Коллинз, откинувшись на стуле, с бесовским огоньком в глазах хлопает себя по колену:

– У меня есть для тебя место, которое тебе понравится.

Я раскрываю рот, чтобы ему ответить, хотя еще даже не

уверена, что именно скажу, когда меня внезапно вообще лишают выбора, вытаскивая из кабинета, причем буквально — мои ноги волочатся по полу, потому что Мэддок хватается меня под руки и выносит из класса.

— Эй! — кричу я учительнице... которая просто отворачивается, чтобы не видеть эту сцену.

Мак выскакивает вслед за нами, и на полсекунды мне кажется, что он собирается остановить Мэддока, но он разворачивается, захлопывает дверь и прислоняется к ней — *как раз в тот момент*, когда до нее добегают Коллинз.

Коллинз лупит в маленькое окошко с другой стороны, пытаясь открыть дверь.

Мэддок продолжает тащить меня по коридору, а потом захихивает в небольшую нишу. Мы оказываемся лицом к лицу.

— Какого хрена тут происходит? — ревет он. — И даже не вздумай, мать твою, вешать мне лапшу на уши, Рэйвен. Выкладывай. Сейчас же.

— Да не о чем говорить, здоровяк...

— Не. Смей. Называть. Меня. Так... — рычит он, напирая на меня.

Кажется, он ждет, что я буду бороться с ним, или отпихну его, или расскажу ему правду.

Чего он совершенно точно не ожидает, так это того, что начну таять в ту же секунду, когда его хаотично бьющееся сердце встретится с моим.

Полной неожиданностью для него становится и то, как я приподнимаюсь на носочки и тяну его голову вниз, пока его губы не встречаются с моими.

Поначалу Мэддок яростно рычит, но потом его рык меняется на глубокий внутренний рокот, и я тону в его собственническом желании обладать мной. Мои легкие наконец раскрываются, жадно втягивая его запах, и боль от невозможности быть с ним рядом постепенно утихает.

Его язык сплетается с моим, его руки обхватывают меня, его тело прижимается к моему.

Да. Мой.

Мои глаза вдруг широко распахиваются.

Черт!

Не мой.

Я прикусываю его нижнюю губу, и он отдергивает голову назад. Я выныриваю из его объятий, но он ловит меня сзади за рубашку, и я шлепаюсь на задницу.

Он подтаскивает меня к себе, разворачивает и вжимает в стену, сдавливая ребра, так что мои ноги болтаются в воздухе и у меня нет ни единой возможности ускользнуть от него. Его глаза, бешеные и безумные, из зеленых становятся почти черными.

Он открывает рот, чтобы заговорить, когда до нас доносится шум борьбы Коллинза и Мака – они пихают и бьют друг друга, а позади них уже собирается толпа.

Мэддок сжимает меня и отпускает лишь тогда, когда

вдруг из ниоткуда объявляется Ройс и кладет ладонь ему на плечо.

Он опускает меня на пол, и я замираю на месте.

Зачем я это сделала?

– Держите свои руки подальше от моих учеников, Брейшо, – кричит из коридора директор Перкинс.

Мэддок шагает прямо к нему и плюет ему в лицо, молча проходя мимо.

Директор переводит озлобленный взгляд с него на меня, и, как каждый раз, когда он оказывается поблизости, в его настороженных светлых глазах, изучающих наши движения, таится что-то еще.

Я надменно моргаю, хотя вовсе не чувствую в себе ни капли былой дерзости.

Я чувствую себя бесхребетной сучкой, роль которой и играю.

Через несколько минут народ расходится, и как только вокруг становится пусто, ко мне подлетает Коллинз.

– Чего он хотел?

– О, ты имеешь в виду, после того как ты спровоцировал его?

Коллинз смеривает меня злобным взглядом.

– Я спросил, чего он хотел?

– Ответов, – мои глаза расширяются, а брови приподнимаются в усмешке. – Придурок. Ему нужны ответы.

– И? – хрипит Коллинз.

Я отодвигаюсь от него.

– И он их не получил.

Я сворачиваю за угол и замираю при виде Кэптена, прислонившегося к стене.

Он, нахмурившись, смотрит на меня, потом опускает взгляд к полу и уходит.

Мои плечи опускаются, я поднимаю глаза к потолку.

Черт.

* * *

– Я думаю, нам нужен вечер веселья, а не разведки и защиты, – говорит мне Коллинз, опускаясь на стул на террасе напротив меня.

– Я думаю, что ты идиот.

– *Я думаю*, – произносит он, наклоняясь вперед, – что ты сможешь неплохо отдохнуть, если сама себе позволишь.

– Сильно сомневаюсь.

Он вздыхает, словно и в самом деле надеялся, что я буду обеими руками за.

– Ладно, вставай. Мы все равно поедem.

Я сужаю глаза до щелочек.

– И куда именно?

– В пиццерию моего друга. Пиво и плохая музыка.

– Там будут люди, которых ты отправил избить меня?

– Возможно, – он улыбается.

Мне не удастся сдержаться, и я фыркаю от смеха.

Я всматриваюсь в него, все еще не понимая, как работает его мозг.

– И зачем ты это делаешь?

– Делаю что? – спрашивает он, и мне кажется, что он и вправду немного смущен.

– Притворяешься, будто хочешь, чтобы мы стали друзьями, словно это все еще возможно. Ведешь себя так, словно даешь мне выбор, хотя мы оба знаем, что ты все равно принудишь меня поехать, пргрозив, что, если я откажусь, ты, как обычно, прибегнешь к шантажу. Ты знаешь, что все равно заставишь меня, так говори прямо. Тебе нет нужды притворяться милым. Я предпочитаю, чтобы ты был настоящим, даже если настоящий ты – привилегированный придурок.

В уголках его глаз на мгновение появляется напряжение, когда он буравит меня взглядом.

– Веришь ты или нет, но я спрашиваю, потому что надеюсь, что ты согласишься и мне не придется тебя принуждать, как ты это называешь. Но если уж об этом зашла речь... Я что-то не вижу у тебя на шее цепи с чугунным шаром, милая моя.

Я вскакиваю на ноги, вперившись в него взглядом.

– С цепью и шаром или без них, не забывай, что я здесь из-за троих других парней и ты не один из них.

– И все же ты каждую ночь спишь в моем доме, так что, я осмелюсь сказать, тебе и вправду неплохо бы постараться

привыкнуть к кое-чему, раз уж мы тут сотрясаем воздух. — Он улыбается и встает прямо передо мной. — К тому, что не меня тут следует считать лузером. Садись в машину, Рэй. Я даже позволю тебе надеть твою короткую заношенную толстовку.

Он проходит мимо, и я, словно жалкая сучка, какой я и стала, следуя за ним.

Дорога до пиццерии занимает всего пятнадцать минут. Кафе уже битком набито пафосными мудаками в вязаных жилетках и их женщинами в шарфах.

Я выбираю кабинку в дальнем заднем углу, и спустя несколько минут перетряхивания солонки появляются Коллинз с официанткой.

Я ничего не заказываю, тогда он делает заказ для нас двоих. И тут нам вдруг приносят пиво. Я на секунду задаюсь вопросом, не подсыпал ли он туда наркоты, но он делает шаг к одному из десяти металлических бочонков со льдом и пивом в бутылках, предлагая его мне. Тогда я решаю, что это безопасно, и позволяю налить себе свежее разливное.

К моему удивлению, Коллинз не ведет себя как мудака по отношению ко мне при своих товарищах — вероятно, он знает, что, если он попытается, я его опозорю. Он и вправду старается сделать так, чтобы мне здесь понравилось, предлагает поучаствовать в каждой новой партии в дартс и открывает новую бутылку пива, когда заканчивается предыдущая, пока я не сообщая ему, что на сегодня мне хватит. Я не так глупа,

чтобы напиться и позволить ему меня облапать. Я думала, что в этом и заключался его план, но он отсылает блондина, пытающегося поставить пиво на мой столик, и просит официантку принести мне воды.

Я не уверена, чего он добивается, изображая из себя честного человека, но у меня нет никакого желания выяснять это.

Чего не скажешь об остальных присутствующих здесь.

Они тайком наблюдают за ним, когда он возвращается ко мне седьмой или восьмой раз за вечер. Я улыбаюсь, видя, что они уже не способны скрывать свои злобные взгляды и то и дело бросают их на меня.

Девчонка – лидер старшей школы Грейвен, которую я вычислила в толпе в первые же минуты своего пребывания в кафе, – полный эквивалент Хлои из Брейшо и такая же милостивая. И настолько же предсказуемая в способах отстаивания своей территории.

Она прожигает меня взглядом, подходя к Коллинзу, словно ожидая, что мне будет не пофиг. Так что я подмигиваю ей с улыбкой.

Он весь твой, принцесса.

Словно прочитав мои снисходительные мысли, она показывает мне средний палец и пододвигается к нему еще ближе, но Коллинз переводит взгляд на меня и отходит от нее, словно мне есть до них какое-то дело.

Но я не успеваю даже закатить глаза из-за его выходки, потому что девушка вдруг отодвигается вправо, и простран-

ство между ними позволяет мне увидеть противоположный конец зала.

В углу я замечаю кажущуюся мне знакомой блондинку с длинными ногами в одежде, не вполне подходящей к толпе, с которой она пытается слиться.

Мои плечи напрягаются, когда я прищуриваюсь, чтобы взглядеться в девушку.

Девушка слегка поворачивается, чтобы парень рядом с ней смог поглубже засунуть ей в горло свой язык, и я стискиваю зубы.

Мои ноги движутся сами по себе, неся меня через весь зал.

Она не видит, что я приближаюсь, – ее глаза закрыты, – но все остальные видят.

Я поднимаю бокал красного вина – в чертовой пиццерии, – стоящий рядом с ней, и выливаю ей прямо на голову.

Она ахает, вскакивает на ноги и поворачивается ко мне.

В ту же секунду я толкаю ее, и она опрокидывается спиной на один из бочонков со льдом и бутылочным пивом. Я поднимаю ногу и со всей силы надавливаю коленом ей на живот, нанося ей удар кулаком прямо в челюсть.

Скуля, она пытается отпихнуть меня, но замирает, когда ее отчаянный взгляд встречается с моим.

Да, сука. Ты узнала меня.

С ее теперь уже дрожащих губ начинает литься кровь, и я слышу позади себя торопливые шаги.

Быстрым, резким рывком я разворачиваю свой торс, вытаскиваю и раскрываю нож.

Все тут же делают шаг назад.

Мои глаза выискивают Коллинза, который медленно поднимает руки, переводя полный любопытства взгляд с меня на блондинку.

У него на лбу появляется складка, он засовывает руки в карманы и отодвигается от меня подальше. Видя, что для их лидера все в порядке, все остальные вокруг него тоже расслабляются и отходят.

Я сужаю глаза, глядя на него, но он лишь пожимает плечами и кивает, как бы говоря: «Продолжай».

От этого я еще сильнее хмурюсь, а адреналин все быстрее разгоняется по моим венам.

Осторожно, продолжая следить за движениями вокруг меня, я поворачиваюсь к девушке, медленно складывая нож, но все еще держа его в руке.

– А ты не очень-то рада снова меня видеть, да? – Я наклоняюсь, чтобы посмотреть ей прямо в лицо, выкручивая колено и глядя на то, как ее глаза с жалобным взглядом наполняют слезы, в то время как она все глубже вжимается в бочонок. – И это та жизнь, к которой ты стремилась? Эм?

Она открывает рот, чтобы ответить, но я перебиваю ее:

– Ты бросила его, – меня начинает трясти, – *бросила ее* ради всего этого дерьма? Ради бесплатного, мать его, алкоголя и пятничных гулянок?

Ее глаза широко распахиваются, лицо бледнеет, по щекам текут ручьи слез.

Я поднимаю с пола другую ногу, перенося полный вес на колено, которым стою на девушке, и она начинает рыдать.

Ее спина наверняка уже изрезана краями бутылочных пробок и острым льдом, но даже этого недостаточно.

Она должна страдать еще сильнее, потому что это ничто по сравнению с кровавым месивом, которое она оставила в груди Кэптена.

Я перекидываю нож в левую руку, а правой хватаю ее за челюсть, накрывая ладонью рот. Я чувствую изгибы зубов под ее щеками, так что я сдавливаю еще сильнее – так, чтобы пошла кровь. Она закрывает глаза под сдавленные всхлипывания.

Он пропустил первый вдох своей малышки. Ее первый шаг и первое слово.

Я сглатываю ярость, чтобы не сделать того, с чем уже не смогу уйти, – например, не свернуть ее чертову шею. Я смотрю ей прямо в глаза, и она сжимается, всем своим видом показывая стыд, который и должна чувствовать.

– Ты тупая шлюха, и в мире должно быть как можно меньше таких, как ты.

Я вскакиваю с нее и поворачиваюсь к залу, но, к моему удивлению, все взгляды опущены вниз. Только Коллинз смотрит прямо на нас.

Я прохожу мимо него, но он тут же меня догоняет, и мы

вместе молча выходим из кафе.

Он не произносит ни слова, пока мы едем обратно, но его терпения хватает ненадолго, и в ту же секунду, как мы оказываемся у дома, он всем телом поворачивается ко мне и смотрит мне прямо в глаза.

– Ты знаешь.

Мои брови сходятся на переносице.

Он знает?

– Знаю что? – я включаю дуру.

В его взгляде появляется подозрение, и он качает головой.

– Ух ты, – он откидывается на спинку сиденья.

– Что?

Он отводит взгляд.

– Такая верная им, что тебе даже не нужно, чтобы они знали, – и все же ты по-прежнему просто аутсайдер, по факту не имеющий ни малейшего представления о том, что на самом деле происходит вокруг.

– Хорош заливать, Коллинз. Выкладывай.

Он снова смотрит на меня.

– Ты пришла к моему дому, готовая, мать твою, на что угодно, чтобы защитить этих парней, которых ты, блин, едва знаешь и которые, очевидно, не сообщают тебе ни единой детали за гранью того, что тебе следует знать.

– Мне не нужно быть посвященной во все их секреты, чтобы знать, что я не хочу их провала.

– Когда они сами не поделились с тобой информацией, ты

спросила, что они украли у меня?

Мои ребра сжимаются, но я все так же смотрю на него.

— Это не мое дело.

— А то, что происходит в этом городе, твое дело? — он смотрит на меня изучающим взглядом, и мне становится любопытно, что стоит за его вопросом. Словно намекает, что я веду себя так, но хочет, чтобы я думала иначе. Такой весь чертовски загадочный. — Ты вбила себе в голову, что этим местом правят Брейшо, хотя даже не знаешь полной истории наших семей. Мы лишь несколько камешков в огромном пруду, и никто из тех, кто носит наши имена, не является таким чистеньким, как заявляет.

И что, на хрен, все это значит?

Я заставляю себя беззаботно пожать плечами.

— Если тебе есть что сказать, говори.

— Спроси у меня, что они взяли, и я скажу тебе, — поднабивает от меня, но в его тоне нет ни игривости, ни надменности. Его взгляд ясен как день, а выражение лица серьезно.

Мои челюсти сжимаются.

Конечно же, я хочу знать, что это, но не желаю, чтобы этот вопрос вылетел из моих уст. Он, мать его, может выдумать все что угодно, и я никак не смогу проверить, правда это или нет.

— Неважно, что они взяли. Уже совсем скоро меня здесь не будет, так что мне плевать. — Я выхожу из машины, захлопываю за собой дверцу, бросаюсь к дому и вхожу через дверь,

которую распахнула для него, словно для короля, обожающая его служанка.

Я окидываю ее взглядом, проходя мимо, она же смотрит в пол. Я направляюсь в комнату, куда он меня поселил, и запираюсь.

Я надеваю наушники и ложусь на полу, включив фонарик и направив его луч на потолок. Раскрываю и складываю нож, снова и снова.

Как я и ожидала, уснуть мне не удастся.

Глава 10

Мэддок

Кэп входит в комнату, на его лице замешательство.

Мы с Ройсом вскакиваем на ноги.

– Что случилось?

Поколебавшись минуту, он проводит ладонью по затылку.

– К черту все, – он пожимает плечами. – Я установил круглосуточную слежку за Мэллори, – признается он насчет матери Зоуи. – В тот же день, когда узнал о существовании Зоуи, еще до того, как удостоверился в том, что она моя. И я так и не отозвал эту слежку.

– Тоже мне новость, чувак, – смеется Ройс.

Кэп сердито смотрит на него, но Ройс перепрыгивает через кофейный столик и встает прямо перед Кэптеном.

– Да ладно тебе, Кэп, она же враг. Мы все считаем, что за ней нужна слежка, и мы знали, что ты ее установил.

– Откуда? – он вопросительно смотрит то на меня, то на него.

– Ты сам рассказал нам, когда напился в хлам. Сказал, что не можешь ничего скрывать от нас, – ухмыляется Ройс. – Даже твоя совесть – хороший парень.

Кэптен отпускает смешок и отпихивает его от себя.

– Без шуток, чувак. – Ройс подходит к нему, чтобы по-братски обнять и пожать руку. – Мы знали об этом с самого начала.

Кэптен смотрит на меня так, словно ему стыдно, и я качаю головой.

– Чувак, это же другое, и ты это знаешь. Есть такие вещи, о которых говорить не стоит, Кэп, так что в этом нет ничего плохого. А раз сейчас рассказал нам, значит, у тебя есть причина. Мы знали, что ты придешь к нам, если тебе будет что сказать. Так что даже не думай считать себя виноватым.

Он кивает, опускает взгляд, а потом снова поднимает – уже сосредоточенный. Полный решимости и немного взволнованный.

Его губы немного кривятся.

– Мэллори получила звездюлей.

Я хмурю лоб.

Кэп встречается со мной глазами.

– Кажется, вчера вечером она налетела на кулак.

Мы с Ройсом переглядываемся, а потом снова смотрим на Кэптена.

Орган в моей груди начинает колотиться все быстрее.

– Кэп.

– Рэйвен сбила ее с ног, ударила в лицо, помяла чуток. Она еще легко отделалась, как я слышал, но...

– Но какого хрена она вообще это сделала? – не сдерживается Ройс.

– Именно, – кивает Кэп.

Я разворачиваюсь, впиваясь зубами в кожу между большим и указательным пальцами.

В какую игру ты играешь, детка?

С ним, но бьешь за нас.

Ничего не даешь нам, но борешься за нас.

За нас.

Я дергаю головой, опускаю подбородок. Черт, они же правы.

– Зачем она это *делает*?

Мы с братьями переглядываемся и киваем друг другу.

Вот в чем вопрос, блин.

– Поехали на тренировку, пацаны. – Ройс улыбается, доставая телефон, чтобы спланировать вечер, хотя мы договорились не праздновать. – Нам нужно место для вечеринки. Йоу, Бак! – он смеется в телефон, выходя из дома. – Это Ройс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.